

СМЕНА

2 1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

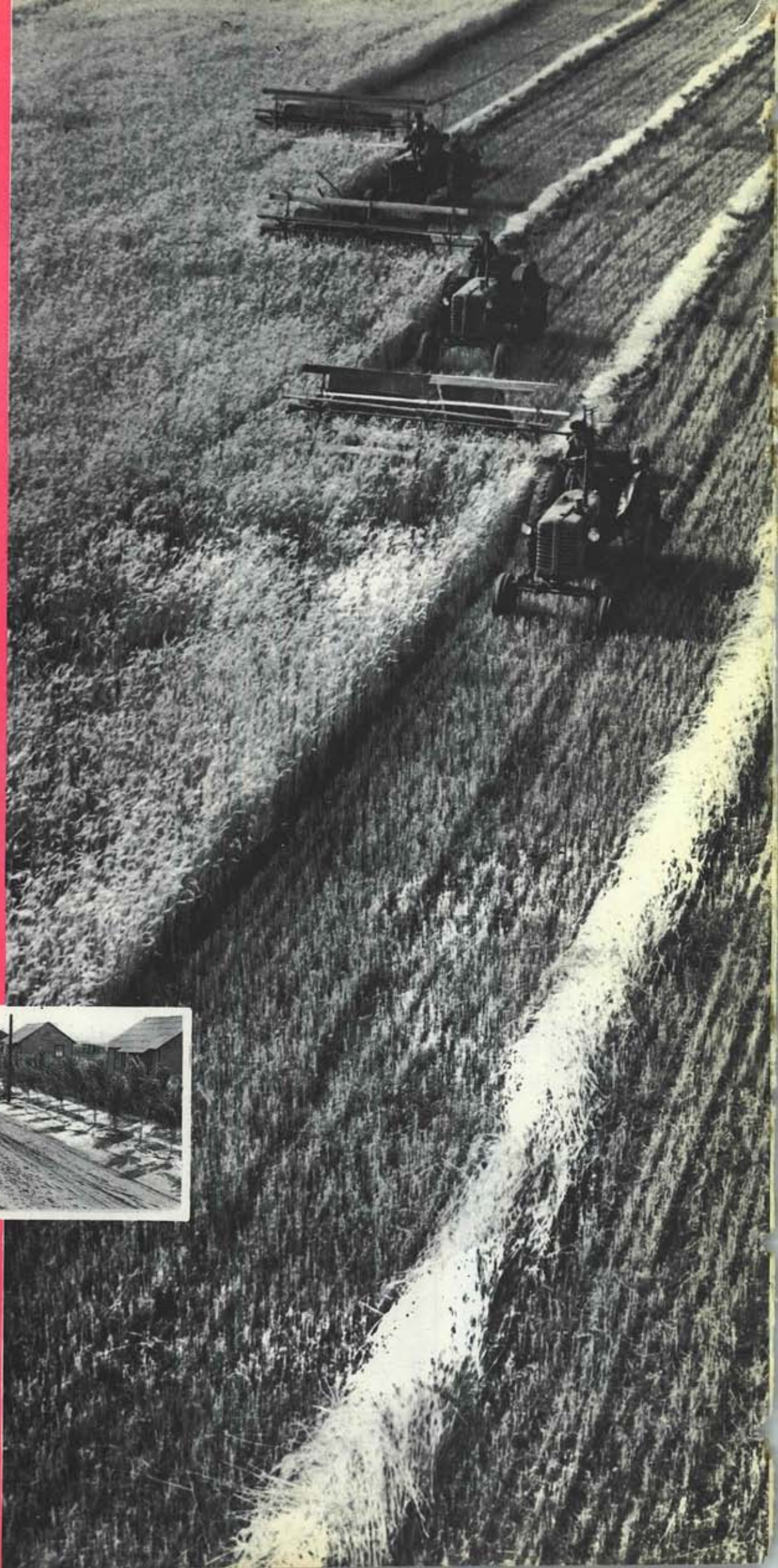

У них настойчивый характер. Только с таким характером можно жить в палатках, мерзнуть, не уступать, когда знаешь, что прав,— и победить. Только такими руками можно растить хлеб, строить города, поселки в необжитой степи. И еще: в каждом из тех, о ком пойдет наш рассказ, живет романтик, потому что только романтикам дано видеть необычное в привычном и будничном. Видеть большую цель в самом, казалось бы, маленьком деле. И мы знаем, что это их волей суровость целинных степей обратилась богатством и изобилием для людей. Они дали и будут давать стране много дешевого хлеба.

Теперь целина переживает свой новый этап.

«У вас есть все возможности сделать свой край краем высокой культуры,— говорил, обращаясь к комсомольцам Н. С. Хрущев на совещании передовиков сельского хозяйства Целинного края.— Почему бы вам не поднять молодежь на борьбу за здоровый и культурный быт! Партия не жалеет ни средств, ни сил. Она выделяет огромные капиталовложения, технику, строительные материалы для того, чтобы создать все необходимые условия хорошей жизни на целине».

Сегодня вчерашняя целина готовится к своей десятой битве за урожай. Но вместе с тем в крае идет подъем и другой «целины» — культурной. О людях, которые трудятся на этом, втором фронте,— строителях и врачах, архитекторах и художниках, об их победах и огорчениях вы узнаете из материалов, опубликованных в этом номере.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

Год издания сороковой

2

ЯНВАРЬ
1963

Я думал, что целина —
это бескрайность просторов,
я думал, что целина —
это гуденье моторов,
я думал, что целина —
это праздничность буден.
...Я понял, что целина —
это все-таки люди.

ТРИНЕДЕЛЬНАЯ
КМЕНИ

Новомир ЛИМОНОВ

ТАЛАНТ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Когда на целине кончается уборка урожая, и закаты над фиолетовыми облаками становятся густыми и альпийскими, и земля обнажает свою грудь и подставляет ее свежему ветру, на городских улицах появляются ребята со шкиперскими бородами, в кедах, с брезентовыми мешками за спиной.

Может быть, ребята эти действительно чем-то похожи на моряков. Наши поэты, настойчиво называя комбайн степным кораблем, внушили копильщикам, прицепщикам и трактористам, что они покорители степного моря. А степь сама по себе, без всяких поэтов, ближе к морю, чем любой, облаченный в тельняшку поэтический образ. Во всяком случае, осенью, когда земля ослабленно подставляет грудь вольному ветру, по городу ходят бородатые люди в кедах и шароварах и с любопытством капитанов дальнего плавания смотрят по сторонам.

В Целинограде пахнет романтикой.

В один из таких вечеров мы сидели перед низким, вполне современным столиком и пили шампанское. В окно упирался плотный луч прожектора с башенного крана. Мы провожали московского прораба Вадима Черняка и ленинградского монтажника Васю Неганова. Среди нас не было ни одного коренного целиноградца, и еще совсем недавно мы даже не подозревали о существовании друг друга и о том, сколько мужества, и ветра, и звенящей мелодии может быть заключено в одном только слове — Целиноград...

Проспект Мира пересекали лучи прожекторов с кранов Васи Неганова. Лучами были освещены две школы, которые построил Вадим Черняк. Они оставляли все

это нашему новому городу и уезжали домой. Но мы-то знали: они едут просто в отпуск, а когда появится снова фронт работ для московских отделочников, когда из Ленинграда снова привезут детали домов, эти люди снова будут с нами.

Вадим увозил в своем чемодане рукописи стихов, песен и рассказов. В Москве его называют молодым рабочим поэтом. Монтажник Неганов вез эскизы целиноградского индустриального пейзажа, которые не грех показать коллегам-художникам в Ленинграде, медаль за освоение целины и великодушную шкиперскую рыжую бороду. Бородой можно было прямо-таки похвастаться.

Как и в прошлом году, мы прощаемся будто бы навсегда. Мои друзья записывают на бумажке адреса и телефоны и приглашают приезжать или звонить хоть через сто лет. Мы прячем адреса и телефоны в карман и помалкиваем с каким-то даже веселым злорадством. Точно так же было и в прошлом году. А через несколько месяцев каждый приезжал и разводил руками: «Прилет, старики! Что-то снова к вам сюда потянуло...»

В тот вечер мы пели под гитару свои самодельные целинные песни. А один из нас, побывавший когда-то на Чукотке, рассказывал удивительные истории.

— На Чукотке, — говорил он, — каждый год собирается слет оленеводов. Пастухи летят на самолетах, едут в Анадырь на собаках и на оленях за триста и за пятьсот километров, чтобы доложить, чего они добились, как горюют, в производстве мяса на душу населения. И чтобы посоветоваться с руководителями края, как еще больше производить этого мяса. Ну, и вообще потолковать о жизни.

И вот представьте: я сижу в своем городском пальто среди кухлянок и малиц и жду, когда откроется это удивительное собрание. Поднимается из-за стола в президиуме секретарь обкома партии и говорит простые, неожиданные, еще более удивительные слова. «Разрешите, — говорит, — поклониться в пояс человеку, сидящему среди вас в зале». Он называет кого-то по имени, отчеству, и весь зал оборачивается почему-то ко мне. А рядом со мной смущенно встает такой невзрачный человек со склеротическими жилками на лице. Русский, довольно пожилой. Он стоит в зале, и секретарь обкома партии низко кланяется ему. А у того, кому кланяется секретарь, на глазах слезы.

— Этот человек тридцать лет назад приехал к нам на Чукотку, — говорит секретарь обкома. — Он приехал в школу учителем на год или на два, а живет здесь уже тридцать лет. Потому что понял, как он здесь нужен. На нашей земле ему пришлось доучиваться самостоятельно на фельдшера, ветеринара и зоотехника. Ведь он даже роды принимал! Вы ведь знаете наши специфические условия, когда от стойбища до стойбища полтыщи километров... Спасибо тебе, что ты, русский, отдал всего себя без остатка нам, чукчам!

И секретарь обкома снова поклонился в пояс человеку из зала и попросил его пройти в президиум. Человек шел к сцене сквозь ураган аплодисментов.

Вот какая удивительная история...

Вот какая обыкновенная история...

Я раскрываю свой блокнот: «Валя Малицкая, депутат райсовета, главный зоотехник Княлин-

Я ЗНАЮ:
ОНИ ВЕРНУТСЯ

КОМУ
ПОКЛОНИЛАСЬ
ЧУКОТКА

ПОНЯТЬ СЕБЯ —
ЭТО ОЧЕНЬ
ТРУДНО...

ПИСЬМО,
НАЙДЕННОЕ
В СТЕПИ

ского совхоза, Северо-Казахстанской области.

Мы познакомились несколько месяцев назад, и теперь я могу представить каждый день главного зоотехника, представить, как она решительной походкой идет по совхозу, как разговаривает на фермах с доярками и скотниками, как ругается с прорабом на строительстве новой фермы.

«1955 год. Сельскохозяйственный институт в Белой Церкви» — так в блокноте.

Выпускники зоотехнического факультета принесли в комитет комсомола листок бумаги. Было одно заявление и 90 подписей под ним. И хотя распределяли зоотехников в том году только по украинским колхозам, 60 человек все-таки поехали на целину. Поехали правдами и неправдами.

Мы сидели с Валей Малицкой в ее кабинете. Непрерывно звонил телефон. В дверь заглядывал шофер. Он ждал главного зоотехника, чтобы поехать на отделение. Главный зоотехник не очень ласково коснулся в мою сторону.

— Напишите лучше не обо мне, а о моих подругах по выпуску — о Паше Швеце из Пришимского совхоза, об Ольге Сахнюк из Токушинского, депутате Верховного Совета Казахской ССР. А обо мне что! Я сейчас, можно сказать, на распутье: приглашают в научно-исследовательский институт животноводства. Старшим научным сотрудником. И серьезными проблемами заняться хочется, и как же все это я брошу!.. Ведь здесь, кроме землянок, ничего не было.

Вот какая обыкновенная история...

Вот какая удивительная история...

Почему мы много говорим о таланте писателей и поэтов, режиссеров кино и трагических актрис! Почему мы мало говорим о том, что самое главное дарование — это талант быть человеком.

В Баранкульском районе, Целиноградской области, есть молодой совхоз имени Ленинского комсомола. Руководит им старый генерал запаса Ефимов. Он мог бы у себя в Киеве выращивать цветы и клубнику, а вечерами стучать во дворе дома костяшками домино.

Нет, он этого делать не мог. Он поехал на целину, построил совхоз и добился того, что этот совхоз стал передовым, что об этом совхозе прокатилась слава по всей целине, что механизаторы, желающие работать тут, проходят жесткий конкурс.

Вот что такое талант быть человеком!

...Я люблю бродить осенними вечерами по своему Целинограду, приезжать десятком автобусом на вокзал. В плотной и разговорчивой толпе я встречаю и провожаю поезда. Из общих бесплацикартных вагонов выскакивают романтики. Выскакивают они буднично и в то же время празднично. Так это бывает в конце сентября. На целине — это законный, настоящий праздник. Это конец уборки урожая и период подведения итогов в статистическом управлении.

И вот люди прыгают с подножек вагонов, не остерегаясь высоких платформ и дежурных по

перрону. Они небриты, и нельзя сказать, что они только что явились из бани. В станционных буфетах они покупают дорогие папиросы и консервированные ананасы. Шестидесят суток им было не до этого. Шестидесят суток они жили одной мыслью — о хлебе.

Хлеб... Это красивые валки на красивых полях. Это лиловые рассветы и багровые закаты. А ребятам было не до красоты. От ребятишек лирику в сторону, они просто работали. Я каждую осень вижу этих ребят — это талантливые люди!

Где твой талант человека! Ты можешь работать, например, в городе Сочи, привычно влезать по утрам в свои сандалии и привычной дорогой идти по солнечным улицам в свою солнечную контору: ты еще не понимаешь, что же это такое — настоящая солнечная улица! Ты, так сказать, доволен собой и своей жизнью. Но вдруг ты чувствуешь, как отчаянно бьется сердце, как оно с широким расталкивает все прочие части организма и отчаянно просится на волю.

Ты долго будешь думать, взявшись за голову руками. Тебе будет ужасно мешать так называемая личная жизнь, которой ты уже успел себя опутать. Но ты все-таки поедешь. Ты вскинешь на плечо торшер, отнесешь его в магазин скупки случайных вещей и возьмешь себе билет до самой далекой планеты.

Да, прошлым летом десять тысяч студентов-строителей называли Целинный край Планетой Целина.

Как это трудно бывает — понять себя! Как трудно понять, что именно тебе нужно. Работа с девяти до пяти, а потом — габардиновый макинтош и прогуливание этого макинтоша по самому модному отрезку главной улицы, сто метров — туда, сто метров — обратно...

Нет, ты чувствуешь, что человеку, который уже бунтует в тебе под габардином, тесно в этих ста метрах. И если ты хочешь проверить себя на талантливость, нужно брать билет в самолет или в общий вагон. Впрочем, можно быть талантливым человеком и не слезая с насиженного места. Талантливый может быть каждый, если он осознает в себе создателя. Но кому нужен твой талант, когда он запрятан где-то глубоко, когда никто даже не подозревает о его существовании!

В человеке обязательно должен родиться человек, обязательно должен родиться создатель. И жизнь должна дать ему это имя в своей огромной солевой купели.

«Нашедшему эту юнжку! Дорогой товарищ, не сочти за труд, передай написанное здесь. Рагузов Василий Яковлевич. г. Львов, ул. Гончарова, 15, кв. 1.

Рагузовой Серафиме Васильевне.

Дорогая моя Симочка! Не надо слез. Знаю, что тебе будет трудно, но что поделаешь, если со мной такое. Кругом степь — ни конца, ни края. Иду просто наугад. Буря заканчивается, но горизонта не видно, чтобы сориентироваться. Если же

меня не будет, воспитай сынов так, чтобы они были людьми.

Эх, жизнь! Как хочется жить! Крепко целую. Навек твой Васильев.

Сыновьям Владимиру и Александру Рагузовым.

Дорогие мои деточки, Вовуська и Сашунька!

Я поехал на целину, чтобы наш народ жил богаче и краше. Я хотел бы, чтобы вы продолжили мое дело...»

Записную книжку нашли в степи и принесли в обком комсомола.

На карте Целинного края от Киевского совхоза до станции Джаксы всего около двух сантиметров — значит, около двадцати километров напрямую. В совхозе новоселы живут в палатках и землянках. А на станции Джаксы возле железнодорожного полотна струглены щитовые дома, строительные материалы.

Выпускник Львовского строительного института Василий Рагузов ходил вдоль полотна возле деталей домов. Он уже прикидывал, кого поселить в этих домах, и радовался за людей. Он уже видел, как ложатся сквозь поселок прямые улицы.

Машины до Киевского не было. Он решил пойти пешком. А бураны на целине падают с ясного неба, и тогда не видно ни дня, ни ночи.

...Когда на областной комсомольской конференции делегатам прочли письмо Василия Рагузова, люди встали. Суровое и скорбное молчание поднялось обелиском погибшему герою. Каждый комсомольский делегат знал: целина — это фронт, а на фронте не обойтись без жертв.

Вот что такое — талант быть человеком!

...На обрыве Нуры, весь закутанный розовым туманом рассвета, монтажник из Ленинграда Вася Неганов читал стихи Вийона. Стихи плыли над рекой и по реке и тонули в розовом тумане рассвета.

Очень вдохновляет, когда такие стихи слушают девушки. Это производит на них неотразимое впечатление. Девушки слушают и восхищаются: вот какой эрудит! У Васи Неганова здесь не было девушки. Она осталась в Ленинграде, и Вася читал стихи себе и этому вот рассвету.

Я не знаю, как бы его девушка восприняла поэзию здесь, в степи. Может быть, она полюбила бы Васю еще сильнее, а может...

«Каждому свое», — говорили когда-то мудрецы и философы. Одним не сидится дома в восемнадцать лет, другие в восемнадцать лет считают, что они знают все. И в частности то, что материальные блага приносят физики, а не лирики.

А мне кажется, что я здесь говорил о лириках. О лириках и романтиках, строящих Большой Целиноград и совхозы Целинного края.

Я думаю, что человек никогда не должен быть духовно сытым. В этом стремлении не быть сытым в своих понках, в своем творчестве, в стремлении отдать всего себя благу людей, отдать без остатка, без утайки и есть главное достоинство человека, великий его талант.

Роман СОЛНЦЕВ

НАМ ЗАВИДОВАТЬ БУДУТ

Нам завидовать будут, завидовать нашим звездам, нашей судьбе...

Нам случалось такое выдвигать, что завидуем мы себе!

Мы делились, как доноры, радостью, воздвигали дворцы на золе, мы руками трогали радуги, нефтью пахнувшие, на земле.

Мы следили из черного космоса за мерцанием ночных городов, мы,

как семечки, щелкали космисусы, пробираясь в тайны веков! Мы взрастили деревья

невиданные, солнцем брызнули по полям! Но уйдем мы из мира, завидуя тем, кто будет завидовать нам...

А. АЗИЗОВ

КОЛУМБЫ

Мы с землею братались Днем, тревожным, как сон. На рубахах проталины. На проталинах соль. Покрывались окалиной, Тяжелели, как мышь. В перекуры глотками мы Жадно пили кумыс.

Одного очумелого Спать погнали в копну — Наш комбайн каравеллою Показался ему.

Зубоскалили славно мы, Вот сказать бы кому, Что у нас новоявленный Объявился Колумб. Но, усталые, грузные, Отъезжая на стан, Мы впервые из кузова Оглядели места.

Тот же образ непрошенный, Тот же красок призыв. Вот он, нами прокошенный Мексиканский залив.

ВТОРОЙ ФРОНТ

Э. ДАНИЛОВА

Они даже не были еще первокурсниками, когда в мерзлую целинную землю вбивались первые палаточные колышки. Они еще сидели за партами в своих классах, и первая борозда на целине была для них не черным мясом земли, а просто газетной строчкой, без цвета и запаха. Они к этому не имели еще никакого отношения.

Но приходит день, когда первая борозда перестает быть газетной строчкой, когда тебе самому надо ее проложить, и тебе совсем не безразлично, как ты это сделаешь и где...

«Архитектурные стилиги»

— Как, по-вашему, постройки города надо беречь от огня? — неожиданно спросил он.

— Конечно. А разве кто-нибудь против? — Да есть у нас такие... Молодежь. Только приехали, а уже критикуют... То им не так да это не эдак. Уберите, говорят, противопожарные щиты из центра. Они вид, дескать, города портят... А ведь не думают, что людей следует предостерегать...

Это был очень скучный человек. Может, потому, что он ни разу не улыбнулся и не нахмурился, ни разу не заволновался и не вздохнул. Даже то, что ему не нравилось, осуждал он как-то спокойно, не ругаясь и не горячась. И вдруг среди тусклых и стертых слов прозвучало непривычное: «архитектурные стилиги».

— Как, как?

— Архитектурные стилиги у нас завелись. С претензиями. Праздничная трибуна на нашей площади им не нравится. Витрины в магазинах тоже, видите ли, не по их вкусу оформлены... И вообще...

Меня заинтересовали эти «стилиги с претензиями», и я отправилась к ним, к тем самым, которые «вообще»...

У Геннадия Донцова обычная, даже не ежином, стрижка. Обычный серый костюм — брюки едва сужены. Он сидит за обычным столом в самом дальнем углу огромной комнаты с длинным названием «Целингипроектхоз».

Это один из десяти «архитектурных стилиг», что полтора года назад, окончив Московский архитектурный институт, приехали в Целиноград. Геннадий — москвич, и ему, пожалуй, немногим больше двадцати.

Карандаш в его руке все время в движении; разговаривая, он чертит на попавшем под руку листе, и я уже зрительно представляю, как ляжет в степи новый город, как выглядит спроектированный молодыми архитекторами целинный поселок и даже какая «модерная» церковь построена в новой бразильской столице.

— А как вы относитесь к Жене?

И пока я соображаю, кто это, он поднимает голову от листа, удивленно смотрит на меня и поясняет:

— К Евтушенко.

Геннадий тоже пишет стихи. На целине их редко кто не пишет. Ведь едут сюда романтики.

— Я не люблю слова «романтика» и не люблю слова «жертва». — Он говорит это убежденно, как давно продуманное. — Если человек скажет: «Я романтик», — я уже знаю, как к нему относиться.

Оказывается, не так все просто. У Геннадия своя теория насчет того, где должен жить человек. Там, где он всего полней может проявить свое «я».

— Если бы в московском проектном институте, где предлагали мне работать (четыре минуты ходьбы от дома!) я получил бы такую самостоятельность, как здесь, я бы, может, и не приехал. Но здесь столько возможностей пробовать свои силы! Здесь работа захлестнула, и несет, и не дает опомниться, и я доволен. — Глаза Геннадия предательски светятся явно романтическим блеском.

— Только это никакая не романтика. Это трезвый реалистический расчет, от которого польза каждому, а значит — всем. ...Их было пятеро. Геннадий Донцов, Игорь Воронков, Виталий Косяк, Анатолий Радченко, Мингиян Пюреев.

К семи утра приходили они в уютную, всю заставленную столами комнату и уходили в два ночи. Здесь, на бумаге, у чертежных досок, бросался вызов саманной степи. Пять поселков совхоза «Терсакавский» начинали тут свою новую жизнь.

— Архитектуру мы знали хорошо — это у нас в институте учили. А вот сельское хозяйство...

Сельское хозяйство знал только один из пятерых — Виталий Косяк; он уже несколько лет мотался по степи, изучил ее как свои пять пальцев. Большой и добрый, Виталий терпеливо сидел возле каждого, объяснял, начиная с азав. В институте ребята специализировались на промышленных объектах, но перестраивались быстро. Старались.

— Здесь все должно быть по-новому, — так решили они. И ехали в старые поселки. Смотрели, прикидывали, спорили.

— Прежде всего — полный комплекс удобства. Чтобы человек, приехавший в степь из города, не тосковал по оставленной там квартире, чтобы у него было хорошее настроение. Ведь от условий, в которых будут жить новоселы, во многом зависит урожай целины.

— Плюс самая компактная, самая экономичная планировка поселков.

Они были первыми архитекторами, приехавшими на целину, и архитектурный облик края — на их ответственности.

— И поэтому, ребята, искать, искать и еще раз искать.

Решение пришло неожиданно. Откуда-то из лекций, давно читанных учебников выплыла «петля». Она удобно и пружинисто легла на главной усадьбе и стала улицей. Одна улица связала весь поселок. Это было

Я думал, на целину можно приехать на месяц, я думал, что целину можно измерить и взвесить, я думал, что с целиной можно расстаться беспечно. Я понял, что целина — это навечно.

экономично, удобно, красиво и совсем по-новому. Ребята радовались. Но недолго.

— Петля? Не было в наших проектах таких петель. И в каталогах про них тоже ничего не сказано. Стиляжничество все это, — сказали архитектурные «законодатели» края.

А ребята не сдались. Им, собственно, было все равно — они могли походить и в «стилигах». Но когда ревнители старых архитектурных традиций размахистой подписью перечеркнули их труд, они думали не о себе и не о сверхурочных часах, отданных проекту. Они думали о людях, воюющих за хлеб, которых пытаются лишить максимума удобства. Молодые архитекторы послали свой проект в Москву, на Выставку достижений народного хозяйства. И что ж? На Всесоюзном смотре творчества молодых архитекторов целиноградцы получили диплом первой степени! Госстрой СССР включил проект в каталог примерных планировок совхозных поселков Целинного края.

И вот он висит на стене возле стола Геннадия.

— Видите, эта петля, на которую мы посадили поселок? За нее-то нас прозвали «архитектурными стилигами», — улыбается Гена. — Самое главное, наш поселок уже строится в степи.

Это была первая большая победа. За ней пришла вторая. Теперь уже десять молодых архитекторов, соперничая со столичными институтами, получили третью (было только две), специально для них учрежденную премию за проект микрорайона нового Целинограда.

А ребята снова в поиске. Мечтатели, которым греются сказочные города в степи, и скептики, математическим расчетом проверяющие эту свою мечту. Но только не стилиги. И никому не дано права растрачивать, пускать на ветер их увлеченность, потому что это всегда потеря и материальных ценностей. Это еще и еще раз подчеркнул недавний Пленум Центрального Комитета КПСС.

Почему же здесь, в крае молодости, где все большие дела вершатся молодежью, не верят в творческие силы молодых? Почему непременно нужно признание Москвы, чтобы реабилитировать энтузиастов, чтобы набавить их от клички «архитектурные стилиги»?

Клуб? А к чему он?..

По вечерам Геннадий заходит к Эрику Вагману поговорить о поэзии. Когда все посетители покидают учреждение, Эрик (он тоже архитектор) открывает шкаф, достает

(Продолжение на 6-й стр.)

Я думал, что в поиск
за кем-то уходят,
я думал, что в поиск
уходят, тубя,
я думал, что в поиске
славу находят...
Я понял,
что в поиске
ищут себя.

Это было в Москве полтора года назад. Второй медицинский институт провожал своих питомцев, выезжавших по маршруту: Москва—Целина. Последние напутствия, последние пожелания профессоров...

ИЗМЕНИТЬ ЕЙ НЕВОЗМОЖНО ...

Э. МАТОНИНА

Фото В. МИШИНА
и Г. ТЕР-ОВАНЕСОВА.

Как это было?
...Дарили валенки, теплую шапку и часы в 4-й больнице Оле Самсоновой. Просили не мерзнуть, а время целинное сверять с московским.

...Боялась и плакала мама Инны Князевой, медицинской сестры в Октябрьском районе Москвы. Хотя «даже очень не против» был отец

...Во Втором медицинском растревожила души ребятам романтика. И выпускникам его — Виктору Люсову, Эрсту Иващенко, Геннадью Воробьеву, Ляле Финкельберг, Владимиру Скворцову — уже непонятным казалось: как и жить-то могла без них целинная степь!

Как это было?
Да сверххорошо! Торжественно, празднично и немного тревожно. Поздравлял институт, больницы, горздрав, поздравляли друзья, знакомые, поздравляла и одобряла Москва.

Московский август полтора года назад.

9 августа вечером они встретились на Красной пло-

Будни хирурга. Они состоят из таких вот напряженных минут, а иногда и часов. Оперирует Эдуард Малюгин.

←

Совхозная поликлиника. Таких много в целинной степи. А эта, в Сергеевке, стала конечным пунктом маршрута, начатого в Москве молодыми врачами.

щадя, как обычно мы это делаем перед дальней и трудной дорогой.

Маршрут: Москва — село Сергеевка, целинный совхоз имени Карла Маркса.

Этот дом на целинной совхозной улице будет называться больницей. Два этажа, деревянные лестницы, во дворе — ни дерева. Рядом машины, гудки, тракторы, рев моторов. И во всем — старые привычки былого маленького медпункта.

Пятеро остаются здесь, в Сергеевке, а остальные разъезжаются: кто в Мариновку, кто в Атбасарский совхоз, кто в Балкашино, кто в Кайранты. Сто километров, семьдесят, двести теперь разделяют друзей. В буран не увидишься, да и в добрый день не всегда время найдешь...

Днем в еще пустой, необорудованной больнице приемы больных. Вечерами после приемов врачи и сестры скребут полы, моют окна, по десять раз переставляют кровати к свету, к солнцу, подальше от шума. А ночью бегут на вызов к больному.

В регистратуре тысяча двести пятьдесят историй болезни.

В регистратуре лежит сто шестьдесят документов, сухо сообщающих о рождении детей.

В регистратуре как сле-

дует учтены все операции. Их сто пятьдесят шесть.

Но нет в регистратуре одного документа с краткой и важной записью: «Сегодня начинается наш путь в призвание...»

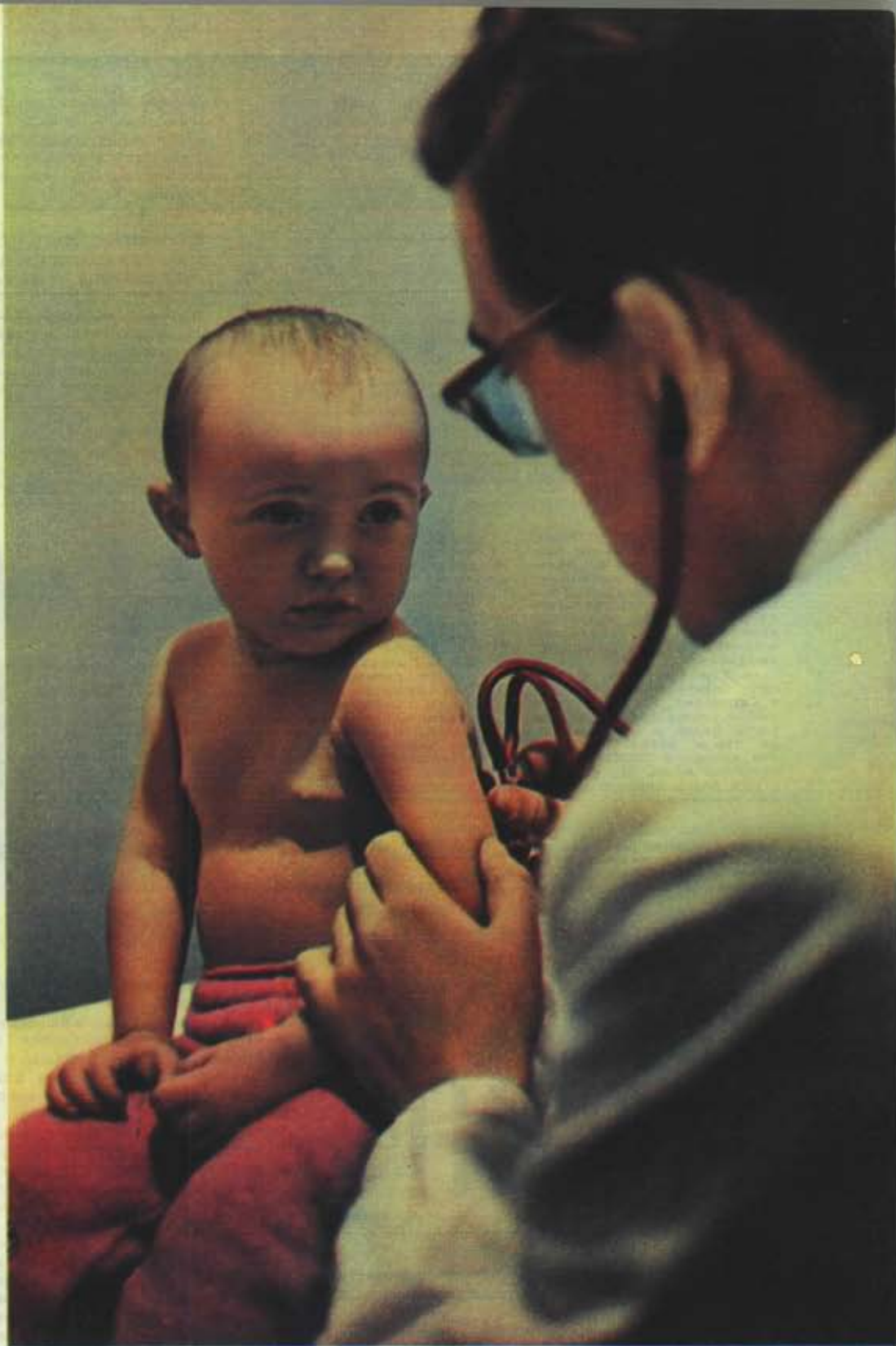
«Дежурю. Час ночи. Очень устала. Слишком много было работы. Сегодня суббота. Радио, конечно, передавало хорошие концерты, но я их не слышала. Невольно. Утром была операция. Больной очень тяжелый. Потом привезли роженицу. Роды шли долго. Женщина очень устала, но зато родился хороший сын. Кроме этого, очень много работы с другими больными. Подсчитала — за день сделана 41 инъекция и многое-многое еще. Сегодня у меня только двадцать больных. Ведь лежало по 40—45! Ну что ж, чем больше работы, тем интереснее работается!..»

Эта запись взята из дневника медицинской сестры Инны Князевой. И день, когда она сделана, ничем не примечателен...

«Недавно ушли бураны на запад, и над головами холодной голубой льдиной стыло небо, жалобно скрипел под морозом снег, а окна больницы, казалось, кто-то залепил плотной белой, в блестях, бумагой. С утра привезли обморозившихся в до-

Здоровье самых юных целинников — в заботливых и надежных руках. →

Все — от детских весов ства Московский гордо оборудования хирургического кабинета — прислал сюда, в совхозную больницу, в порядке шеф-

Теперь они здесь старожилы.

роге людей. Щуря усталые, красные от бессонницы глаза, в поликлинике и больнице маячит с мальчишески тонкой фигурой Гена Воробьев. Он снова отказался от выходного, хотя неделя была вся сверхнасыщенной. Две-три операции ежедневно.

— Наш Геннадий Иванович безотказный, — говорят в Сергеевке. И стучатся в любое время дня и ночи со своей бедой в его дом люди. Что ж, давно известно, что народное признание — нелегкая ноша. Но сколько в нем безграничного уважения и любви...

Дни рождения бывают разные. Родился человек. Родился совхоз. Родилось открытие. 14 августа шесть

десят первого года романтическое братство московских единомышленников вступило на целинную землю. Это и есть их день рождения. Сменила московскую прописку на сергеевскую Инна Демина. По вкусу пришелся степной простор малышу Петра Писарева. Богатырем растет пятимесячный сын Оли Самсоновой. Нет, не невосел, а коренной целинник, коренной совхозный житель. Далека Москва от засыпанной зимой снегами, а летом затерявшейся в хлебах целинной Сергеевки. Но цветет закатами целинное небо и стелется степь — признанная всеми романтиками красавица.

Говорят, изменить ей невозможно.

ЦЕЛИННЫЙ КРАЙ.

Эдуард Малюгин, Эрнст Иващенко, Ляля Финкельберг вместе слушали лекции профессоров, вместе сдавали зачеты. Хорошо, что и теперь они вместе. Можно посоветоваться, если у одного из них трудный больной.

Шестилетний курс учебы в институте — этого еще недостаточно, чтобы тебя считали хорошим сельским врачом. Здесь, на месте, все гораздо сложнее. И после трудного, до предела насыщенного дня — снова учебники, медицинские журналы... Допоздна горит свет в кабинете главного врача Сергеевской больницы Эрнста Иващенко.

Люди этой профессии не трудятся «от» и «до». Ночь. Резкий стук в окно, и через десять минут Эрнст спешит на помощь человеку.

ВТОРОЙ ФРОНТ

Со стр. 3.

чемодан, и считается, что он уже дома. Разговор можно вести в «домашней обстановке».

А Геннадью хочется читать стихи большой аудитории, он влюблен в поэзию, и ему непременно нужны единомышленники или хотя бы противники: они ведь тоже возможность для утверждения его привязанностей. Поэтому Геннадью трудно понять «трезво» думающих и с откровенным сожалением недоумевающих: «Сами на улице живете, а требуете помещение для клуба?»

Они мечтали о нем еще в Москве. А в Целинограде оказалось, что с идеей клуба молодых специалистов уже носятся приехавшие сюда чуть раньше такие же, как они, вчерашние вузовцы — врачи, учителя, музыканты, актеры. Начались дебаты. Какие секции открывать, кто может считаться членом клуба и кто не может им быть? Дискуссии затягивались до ночи. Собирались в обкоме комсомола у инструктора Зины Матюшейко, она близко к сердцу приняла их идею, гурьбой ходили в горком ВЛКСМ: «Давай, секретарь, помогай добывать помещение».

...Мы сидим в маленькой комнатке домика-будочки. Это кабинет директора Целиноградского парка Миши Ванцикова.

— Наш клуб еще не родился, а вот противники у него уже были: «Что это за клуб такой, и почему «молодых специалистов»?

А как же остальные массы? Выходит дело, гуляй по улице?»

Были и осторожные: «Хм... клуб? А вы слышали, что в Новосибирске выкинули? А в Харькове? Тоже, говорят, с клуба началось, а «голубой лошады» или как там еще закончилось... В одних, извините, подвязках и галстуках собирались».

Но первый энтузиаст клуба Володя Колпиков, «человек с брызжущей фантазией», «эрудит», «талантливый архитектор», как говорят о нем друзья, все же ходит по домоуправлениям, лазает по подвалам, объясняет, уговаривает, просит и даже стучит кулаком. Тщетно. Ну, а горком комсомола? Он вроде бы и заинтересовался клубом, но только тогда, когда надо было реагировать на письма. Дело в том, что о первом вечере клуба, проведенном в случайном помещении, сообщила «Неделя» и «Комсомолка». И в горком стали писать, даже из-за границы. Просили поделиться опытом.

Тут-то секретарь горкома Владимир Савин забеспокоился:

— Вы, ребята, не бросайте начатое, давайте жмите. Если надо, используйте зал заседаний.

Но разве клуб — это заседания? Клуб — это работа.

— Мы ведь как хотели? — И глаза Миши стали грустными, как воспоминание. — Жалко, листовки вы нашей не видели. Там через весь лист:

ПРИХОДИ, СМОТРИ! ДУМАЙ, ДЕЛАЙ!

Если ты хочешь прийти и только потанцевать под музыку, — в этом клубе тебе нечего делать. Если ты хочешь что-то узнать, приобрести из того богатства знаний, которыми располагает человечество и частицей которых владеем мы, или, наоборот, поделиться, передать другим эти знания, — приходи к нам. Если ты хочешь научиться рисовать или, может быть, обладаешь одним из театральных талантов, который еще не раскрыт, — приходи, мы тебе поможем. Если ты написал стихи и тебе необходимо услышать их оценку, — приходи. Если ты молод и у тебя есть свои идеи, представляющие

интерес для других, и если ты не лишен юмора, — значит, ты наш, мы ждем тебя.

Равнодушные люди, толкующие о подвязках и галстуках, не разглядели громадной преобразующей силы, скрытой в будничном слове «клуб». Почему их прежде всего взволновало его название, а не идея?

— В нашем клубе главное — мыслить. И чтоб никаких наблюдателей. Только действующие. Вот единственное условие, чтобы стать его членом. А название, так сказать, — дань приоритету; в конце концов не работники дорпрофсожа сочиняли наш первый капустник.

...Он еще неуклюж, этот город, будто только учится ходить. Здесь еще все не так, как в других городах. Здесь даже полевой на площади — лихая, в кудряшках на ветру девчонка, не по форме сдвинувшая на затылок милиционерскую шапку и празднично размахивающая полосатой палочкой; и земля, развороченная бульдозерами в будущих кварталах, и даже то, как город задорно топает по вязкой глине, в резиновых сапогах и пыжике, и не ворчит, а только посмеивается и шуточно поругивается, — все подчеркивает его молодость. Проойдитесь по улицам Целинограда. Вы почти не встретите стариков. Это город молодых. Скоро их будет еще больше. Приедут новые отряды добровольцев — строить новый город на новом месте, в степи. Они должны иметь место отдыха. Они заслуживают вашего внимания, товарищи комсомольские работники города Целинограда.

В марте 1961 года на совещании передовиков сельского хозяйства в Целинограде Никита Сергеевич сказал: «Без клубов, школ и больниц нельзя построить нормальную жизнь людей, которые пришли осваивать целинные земли. Им надо дать и духовную пищу...».

Здесь нужны объединенные усилия крайкома, обкома и горкома комсомола. И еще нужна заинтересованность, хотя бы вполниту той, которой располагает комсомолец Владимир Колпиков.

«Не могу и не хочу отсюда уезжать!»

Ходил по выставке парень. Останавливался у картин, вглядывался, узнавал, улыбался довольный. Возле одной задержался по-дольше, оглянулся, позвал художников:

— Почему у картины нет названия?

— Да как-то не нашли...

— Как не нашли? — простодушно удивился парень. — Расскажи мне что-нибудь — вот как я бы ее назвал. Тут же ясно видно: ребята целый день работали, устали, а теперь собрались и молчат...

Оказалось, парень этот первый раз в жизни на художественной выставке. Приехал на целину из белорусских лесов. Узнал, что художники устроили в Целинограде выставку своих работ, и вот пришел посмотреть.

Человек первый раз увидел настоящую выставку. Не в Минске, не в Москве, а здесь, на целине. И первую радость близкого общения с искусством ему доставили вот эти молодые художники, год назад поселившиеся здесь.

И пускай они приехали сюда только к восьмому урожаю и им не пришлось жить в палатках — они тоже поднимают целину, прокладывая свою борозду на культурной ниве. И это тоже требует мужества.

Потому что, если тебе отказывают в помещении для работы и ты, прикинув, что выгодней уехать, чем самому снимать это помещение и платить за него пятьдесят рублей в месяц из своего кармана, все-таки никуда не уезжаешь, а остаешься и работаешь, — надо быть мужественным.

Надо быть оптимистом, когда на открытие выставки твоих работ и работ твоих товарищей не приходят люди, обязанные хотя бы по долгу службы интересоваться твоей судьбой. А ведь им были посланы специальные приглашения билеты. И нет этих людей, когда выставку горячо обсуждают посетители, которым билеты не посылались. А потом, позже, когда на выставке семя городов в Караганде твои работы признаны лучшими, надо иметь сильный характер, чтобы сказать «нет» и отклонить предложение, сулящее отдельную квартиру и собственную мастерскую, и не переехать в другой, благоустроенный и доброжелательный город («художников там ценят»). Ведь ты сам выбрал место на земле, где тебе трудно жить, но радостно работается.

— Я просто не могу уехать отсюда, — говорит Василий Кучеровский. — Да и не хочу. Здесь такие люди, здесь столько героизма! Я обязан все это писать. Мне кажется, ни один народ не способен на подобный подвиг. Поднять такую силу!... — Он не договаривает, потому что сами собой напрашиваются слова: «Художники в долгу перед народом», — а он не любит торжественных слов, считает, их надо носить в себе.

Об успехе художников Целинограда на выставке в Караганде много писали местные газеты. Посетители тоже по достоинству

оценили картины Кучеровского «Мы — целиноградки» и «Торопится». Работу Бориса Вельтюкова «Тракторист», «Весну» Марка Порункина. Вот только одна запись из книги отзывов об этой выставке: «Большая душа чувствуется в изображении целинников. Какая мощь, сила, вера в свои возможности у этих молодых людей!» Подпись: «Шахтеры».

До сих пор целина производила ценности материальные. Она оказалась способной и на создание ценностей духовных. А создатели этих ценностей больше похожи на спортсменов, с каким-то очень двигательным жизненным порывом, с резкими словечками «нас с хвоста не возьмешь» и с внезапной детской радостью от встреч с парнями, которые придумывают названия к их картинам. Они ведут извечные споры об искусстве и руки свои, перепачканные темным маслом красок, вытирают точно так, как шоферы и трактористы оттирают свои от солянки и масла машинного.

Скучные люди часто бывают раздражены их требовательностью. Но самые большие требования они предъявляют самим себе. Ведь от заманчивого предложения Караганды Василий Кучеровский отказался. И Борис Вельтюков — тоже.

Тем более досадно равнодушие, проявленное к первой в Целинограде выставке руководящими работниками краевого управления культуры.

Правда, один из них — тов. Скучалин — выставку все же посетил.

— Керамика? — удивленно переспросил он меня.

Да, да, та самая, о которой так много в книге отзывов писали целиноградцы, потому что хотят украсить ею свои квартиры, и о массовом производстве которой беспокоились скульпторы Э. Яблонская и Ю. Буштрук, разработавшие эти интересные образцы. Нет, о керамике тов. Скучалин даже не слышал.

— Мозаика? Была такая, видел. Где может быть использована? Да нигде.

Мозаика в деловую орбиту тов. Скучалина не входит. Может быть, это и не беда, что его не интересует ни мозаика, ни керамика, рождающиеся в крае, где он возглавляет один из отделов управления культуры. Беда, что в управлении культуры это не интересует никого. Никого не волнуют поиски художников, трудящихся на одной с ними культурной ниве. Никого не беспокоит безрезультатность поездок скульпторов по близлежащим заводам, их попытки договориться о массовом производстве керамики на целине.

Да, на целине 100 тысяч тракторов. Да, целина будет давать стране 1 миллиард пудов товарного хлеба. Но на целине должна быть и керамика. И дома, украшенные монументальной живописью и той самой мозаикой, в применении которой так решительно отказал мой собеседник из управления культуры. Надо только взглянуть на культуру пошире.

...Еще шли бои за Советскую власть, не было продовольствия, молчали заводы, но

уже заседали комиссии по эстетическому воспитанию населения. Это было, очевидно, несколько наивно, но естественно. Это выражало извечную, непреодолимую потребность человека в совершенствовании. Родившаяся с революцией мечта о всесторонне развитой личности стала сегодня очередной задачей дня. Для решения этой задачи есть все: и материальная база и отличные, рвущиеся в бой кадры. Надо только не сдерживать их порыв, поддерживать их поиск.

Нередко за словом «целина» видятся эшелоны новой техники, эшелоны мечтателей и поэтов, в спецовках, с шершавыми, обветренными кулаками и лицами. Все это едет и поет, а потом приезжает, разбивает палатки и работает.

Представления вызываются одним словом, но создаются усилиями людей. Усилиями людей крепко сбито и еще одно представление о целине: культура-де для нее — дело десятое. На этой палаточной планете сойдет и так. Под собственный аккомпанемент. Везут же в эшелонах гитары...

К счастью, представления тоже меняются, и не без помощи опять же человеческих усилий. В степь динулась новая сила. В поход на целину пошла культура. Не в одиночку, а большими отрядами квалифицированных специалистов. Жизнь целины, без всяких преувеличений, вступила в новое качество.

Нелегко сосчитать, сколько раз в минувшем году в целиноградских комитетах комсомола ставился на бюро вопрос о хлебе, технике и строительстве. Но ни единого раза не обсуждали комсомольские комитеты условия работы молодых специалистов, трудящихся на втором фронте целины — на фронте культуры.

На ноябрьском Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев говорил о том большом ущербе, который наносит народному хозяйству текучесть кадров. И одна из причин этой текучести — низкий уровень культуры в районах нового строительства.

Было время, жизнь приходила на новые места, продираясь сквозь холод, голод, грязь и неустоиенность. Но люди растут. Их уже не устраивают «два притопа, три прихлопа», культивируемые в существующих клубах. Их не устраивают проезжие знаменитости, даже если они с оркестром. Их не устраивают покладистые халтурщики, успевшие засорить своими «творениями» скверы и парки недостроенных целинных городов (уже кружатся в резвом хороводе дети с ликами дегенератов в возрасте, скачут в равнинном городе горные козлы, и со своих пьедесталов чутко прислушиваются к ляганью кранов северные олени из голубого гипса). Новоселам нужна хорошая скульптура, и хорошие картины, и комфортабельные дома. Они вправе владеть самыми высокими ценностями культуры. Надо, чтобы человеку здесь жилось ничуть не хуже, а может быть, лучше, чем в любой другой точке страны.

Он достоин этого — человек, открывший планету «Целина».

Я думал, что время
старит нас.
Я думал, что силу лет
не учесть.
Я думал, что юность
только раз.
Я понял,
что вечная молодость
есть!

Ал. Фридман

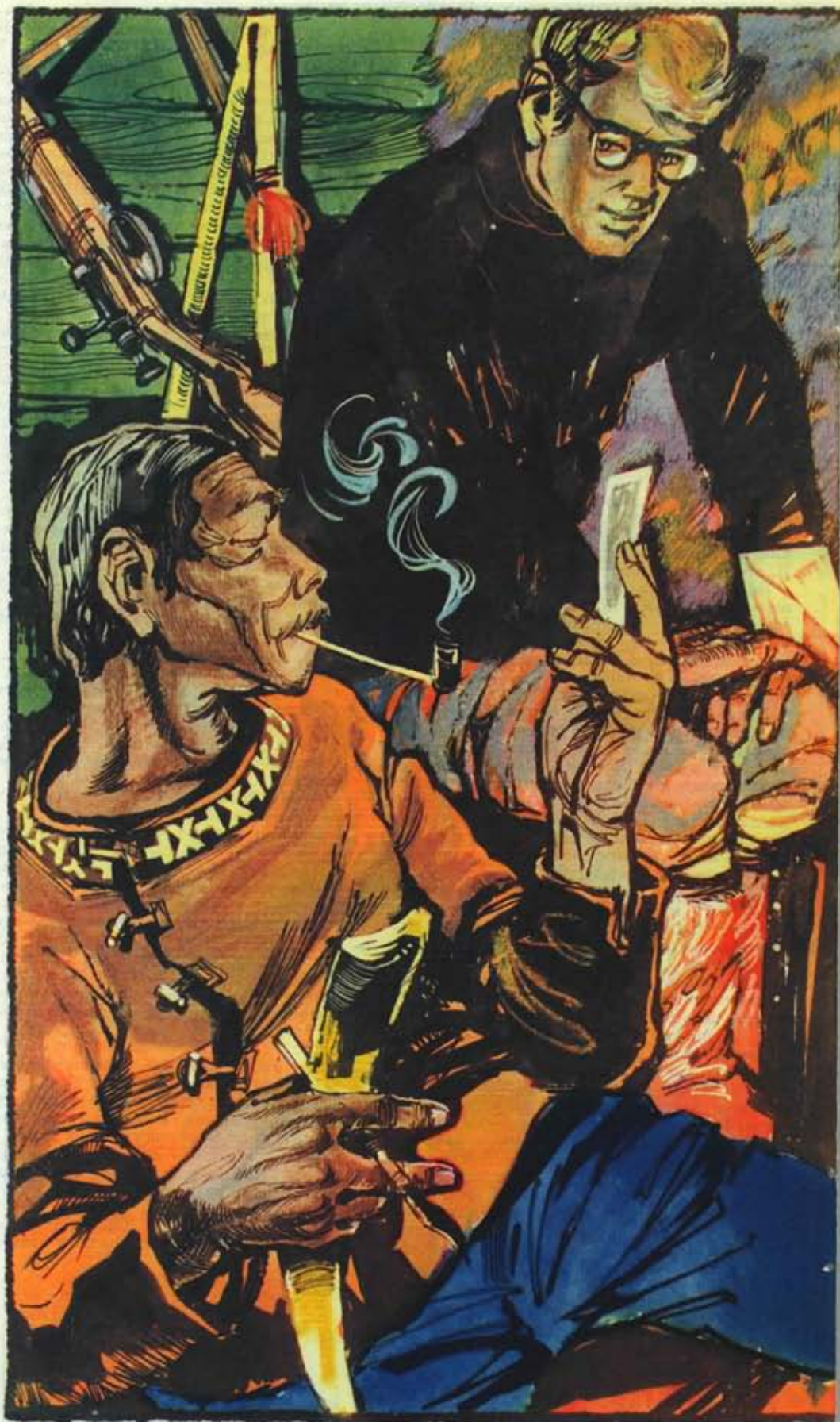

Виктор ЛЕВАШОВ

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

РАССКАЗ

ЯМАЛ- МОЕ ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ

По Калининской тундре и по Тиманской тундре катались ветры на коротких охотничьих лыжах, подбитых оленьим мехом. Ненецкое солище село на ленивого белого медведя и уехало спать в свой теплый чум. А из сугроба выкарабкалась медленная луна и покатила, как блюдце, над тундрой, присматривая за звездным своим стадом.

Над тундрами и над ветрами, над зайцами и оленями летел маленький самолет, высматривая в сумраке посадочные огни Черного Камня. Короткие и тонкие, как мышинный писк, сигналы радио сообщили в стойбище, что везет самолет письма, газеты, посылки и веселую русскую учительницу по имени Варя, которая возвращается с Большой Земли в соседнее стойбище Серого Камня.

Соседнее стойбище — триста километров. Хоть каждый день туда чай пить ходи! Ямал, Ямал — немеряный, неласковый, в снега закутанный — ты белый олень, что вышел напиться к северному морю...

Черная тень закрыла на миг звезды, самолет прокатился по твердому насту и замер между костров, отдуваясь гарью. В овальном светлом пятне появился черный силуэт. Замер, всматриваясь в фигуры в малицах, гуськом идущие от костра.

Высокий, медлительный, в очках, на стеклах которых повторился желтый отблеск пламени, вышел вперед, поднял широкое лицо, спросил неуверенно:

— Рыжая?

— Мишка, тюлень! — закричал сверху девичий голос и весело засмеялся. — Замерзаю, снимите же меня с этой проклятой железки!

Постреливали бревна от жестокого мороза, трескаясь, ночь стучалась над стойбищем Черного Камня. В маленькой комнате при школе пузатый никелированный чайник урчал на медленном огне, книги на полке тускло поблескивали своими пыльными корешками. Перед открытой дверцей печки сидела на низкой скамейке рыжеволосая хрупкая девушка в черном свитере, протягивала к углям озябшие пальцы. Посадила, вытащила на середину комнаты старую качалку, неведомо как попавшую в стойбище, сидел, выткнув ноги, учитель Мишка, спрятав в большой ладони крошечный чубук черной ненецкой трубки.

— Ты совсем стал ненцем, Мишка... Трубочка, tobacco...

Мишка усмехнулся, потянулся за спичками.

— Как там наши, Варюха?

— Вот жизнь веселая, — сказала негромко девушка. — Живем рядом, а собираемся в Ленинграде... Тебя кто интересуется: наши, которые здесь, или наши, которые там, в Ленинграде?..

— Вообще... — сказал Мишка и покраснел. Глядя в огонь, добавил: — Соскучился я по вас... И по тебе соскучился. Что ты смеешься?

— Я не смеюсь, — сказала девушка. — Я просто улыбаюсь... Так кто же тебя интересуется из наших?

Учитель потянул за дужку очков, подышал на чистые стекла, стал медленно и тщательно их протирать.

— Мишка, ты прости меня... — сказала девушка, глядя в огонь. — Я больше не буду...

Учитель растерянно и смущенно повернул к ней свое смуглое от мороза лицо.

— Я больше не буду, — повторила девушка, грустно усмехнувшись. — Ну, что ты так смотришь? Я же знаю, о ком ты спрашиваешь...

— Откуда ты знаешь? — растерянно сказал учитель.

— Я все знаю, — сказала девушка и снова усмехнулась. Вялой рукой провела по лицу, точно снимая невидимую паутину с глаз. — Я была у Нины. Она разошлась с мужем...

Учитель близоруко прищурился.

— Я рассказала ей, каким большим человеком ты стал в тундре, — продолжала девушка, глядя на свои пальцы, — как любят тебя ненцы — и большие и маленькие...

— Угу...

— Она мечется... Ругает себя, что не поехала с нами...

Мишка откинулся на спинку качалки, уставился в открытую дверцу печки.

Девушка долго молчала. Встала, отошла к окну, затянутому плотным морозным узором.

— Мишка!

— Да? — Качалка замерла, учитель повернул к девушке задумчивое лицо.

— Мишка, она передала для тебя письмо...

— Угу, — сказал учитель и снова начал покачиваться, чуть сгибая и распрямляя длинные ноги в высоких тобоках.

— Ты так и не научился притворяться, — сказала девушка и подошла к своему пальто. Зашелестела плотная бумага.

Качалка остановилась.

— Только устрой меня сначала куда-нибудь переночевать, — сказала девушка и бросила письмо на колени учителю. — Устала я, Мишка...

Около полуночи визгливый снег на торной дороге подсказал дремлющим в стае лайкам, что по стойбищу идет человек. Вожак поднял голову, повел дрогнувшими ноздрями и, успокоенный, положил морду на сильные лапы. Визг снега оборвался у крайней бревенчатой избы, звонко скрипнули промерзшие половицы крыльца, тяжелая дверь хлопнула, и в редко освещенном стойбище снова стало тихо.

В избе было сухо и жарко. На полу небольшой задней комнаты лежали олени шкуры. В углу перед печкой сидел маленький старик с морщинистым лицом. Скупыми и точными движениями реза он снимал слой за слоем с моржового желтого клыка.

Услышав стук двери, старик поднял коричневое лицо, приветливо улыбнулся гостю.

— Ничего, что я так поздно, Мейко? — спросил вошедший.

— Разве хороший человек ночью становится хуже? Хороший гость ночью становится плохим гостем? А, учитель?

Мишка бросил малицу в угол, уселся поближе к печке, непослушными от мороза пальцами разорвал конверт.

— Я слышал, Мишка, приехала учительница Варя?

— По пути завернула, — отозвался гость. — Она была в Ленинграде, возвращается к себе... Сейчас спит в моей комнате... Я переночую у тебя, не возражаешь?

— Ночуй, места много... — Старик, отложив резец, посмотрел на гостя. — Трудно мне, старику, понять, по какому такому пути заехала она в наше стойбище... Серый Камень, однако, совсем в стороне от Черного Камня... Почему так, Мишка?

— Что? — сказал Мишка, подняв голову от письма и непонимающе глядя на старика. — А, ты об этом... Заехала и заехала, откуда я знаю... Может, самолет так шел...

— Не слышал я, чтобы самолеты летали от нас на Серый Камень, — пробормотал старик и снова взялся за резец. — Читай, однако, свое письмо...

Старик провел ладонью по клыку, очищая его от пыли. Внимательно осмотрел голову оленя, туловище которого еще скрывалось

в кости. Потянулся к огню, раскурил холодную трубку. Сквозь облако дыма посмотрел на учителя.

Мишка сидел, положив локти на колени и сгорбив сильную спину. В расслабленных пальцах белел конверт.

— У-у-эх-ха-а! — зевнул старик. — Сними тобок, учитель, скоро дырка будет... Прочитай ты письмо с Большой Земли!

— Угу... — Мишка распрямился и весело сказал: — Посмотри, это Нина...

Старик осторожно взял маленькую фотографию.

— У старого Мейко стали плохие глаза... — пробормотал он, зорко вглядываясь в снимок. — Совсем плохие глаза... Не эту ли девушку, учитель, повесил ты на стенку в первое лето?

— Ну да, — сказал Мишка.

— Шибко крепкая память есть, — с удовольствием проговорил старик и снова посмотрел на снимок. — Не эту ли девушку на большой бумаге ты снял во второе лето со стены, и разорвал на мелкие части, и бросил в окно, и не посмотрел, куда унесет их ветер?

— Нашел что вспомнить! — Учитель засмеялся, удобно разваливаясь на шкурах и набивая трубку.

— А теперь маленькую бумагу ты хочешь повесить на стену вместо большой бумаги? — осторожно спросил старик, возвращая снимок.

— А что? Может быть, и повешу... Красивая у меня невеста?

Старик перекусил нитку, перебрал тобок к ногам учителя.

— Теперь дырки не будет...

— Спасибо... Ну, так что же, нравится тебе моя невеста?

— Красивая, — сказал старик, близко к лицу поднося желтый моржовый клык. — Глаза у нее, как у молодой волчицы.

Мишка усмехнулся и откинулся на спину.

— Это ты зря, — добродушно сказал он. — Глаза у нее, как... как у важенки... Через неделю пойдет самолет на Большую Землю, я привезу Нину сюда, и ты увидишь, какие у нее глаза...

— У молодой волчицы тоже красивые глаза, — примирительно сказал старик.

Олень еще увязал в плотной кости по брюхо, а рядом с ним уже начали появляться очертания второго оленя. Старик отложил резец, отрянул сухие ладони и достал из кармана тяжелые серебряные часы. Послушал ход, старательно завел их и посмотрел на Мишку, который сидел перед огнем, обняв руками колени.

— Ты не ложишься спать, учитель?

— Нет, Мейко, я еще хочу посидеть с тобою...

— Посиди... Старый человек жалеет тратить время на сон, а что мешает спать молодому?.. Сколько ночей мы просидели с тобой, учитель?

— Много, — улыбнулся Мишка. — Ой, как много!

— Теперь осталось мало, — сказал старик.

— Почему?

Мейко не ответил. Он взялся было за резец, но тут же отложил его в сторону.

— Почему, Мейко? — повторил учитель.

Старик принял пальцем табак в трубку, поднял на Мишку остро блестящие глаза.

— Однако как я тебе отвечу, если ты не можешь ответить сам? Трубка не разгоралась.

— Много жил старый Мейко... всю тундру знает старый Мейко...

Однако не видел я, чтобы оставался в утиной стае дикий гусенок, когда помянит его самочка... Кто будет учить наших детей?

— Ты думаешь, я не вернусь, Мейко?

— Моя старая голова не знает, в какую сторону послать свои мысли, — медленно сказал старик. — Глаза сказали ей, что девушка на маленькой бумажке никогда не будет пить чай в моем чуме... Ты сказал — моя невеста. Скажешь — моя жена... Как может муж жить в стойбище Черного Камня, а жена — в Ленинграде? Я не знаю...

— Она еще не моя невеста, — задумчиво сказал учитель. — Просто так я ее назвал... Что ты на меня смотришь? Мне двадцать пять лет — почему у меня не может быть невесты?

— Однако ты веришь мне?

— Да.

— У нас говорят: много олешек в тундре, много звезд на небе, поищи себе другую невесту.

— С какой стати? Я любил ее. И люблю теперь. Почему я должен от нее отказываться?

Старик молча посапывал холодной трубкой. Учитель встал, медленно прошагал по шкурам из угла в угол. Остановился. Упрямо сказал:

— Она приедет сюда. Мы будем вместе пить чай в твоём чуме. Разве ты не хочешь сшить маленькие пимы для моего сына?

— И сделать бусы из волчьих зубов, чтобы они принесли ему счастье... — задумчиво сказал старик.

— Она приедет, вот посмотришь!

— Давай спать, учитель, — мягко сказал старик.

— Ты не веришь мне, Мейко?

Старик наклонился к огню, раскурив трубку. Выпуская тонкие струйки дыма из уголка поджатых тонких губ, молча уставился в угол. Молчал и учитель, медленными шагами меряя маленькую комнату.

— Почему, однако, она не приехала три зимы назад вместе с тобой и с учительницей Варей, и с учителем Гришей из стойбища Белой Сова, и с учителем Павлом из Синей Бухты? — сказал негромко Мейко своей трубке, которую бережно держал в руках. — Почему она сейчас не прилетела на самолете вместе с учительницей Варей?

Мишка остановился. Засунув руки в карманы брюк, качнулся с носков на пятки.

— Ей сейчас трудно, Мейко... Она хочет, чтобы я приехал. Она разошлась со своим мужем...

— У нас говорят: пусть глупые женщины плачут, а мужчины пусть курят свои трубки и занимаются своим делом, — задумчиво произнес

Мейко.— Однако, учитель, кто сказал шаману Вылко в дальнем стойбище Тайбаря, чтобы он бросил в костер своих глупых кукол?

— Ну, я...

— Кто сказал немцам: пусть уходит председатель Власко, он воюет труд честных людей, и пьет много водки, и отдает колхозных олешек своим родственникам?

— И это было правдой.

— Однако да... Однако прогнали немцы председателя Власко. А кто плакал от обиды и злости, когда в него стрелял брат Власко, а он не мог выстрелить, потому что отморозил руки?

— Ну, я... хмуро сказал Мишка.— К чему все это?

Старик поднялся и бережно завернул неоконченную работу в чистую тряпку.

— Договаривай,— сказал учитель.

Старик оглянулся на него, покачал головой.

— Я совсем старый... Что я знаю? Ты — наш, она — не наша. Однако больше я ничего не знаю, ты сам все знаешь.

— Пойми, ей трудно, Мейко! Ей очень трудно, я нужен ей!

Старик выпрямился, вынул изо рта трубку.

— Раньше, однако, ей было легко, и ты, учитель, был ей не нужен?

Мишка снова сел к огню, обнял свои колени. Подогнув под себя ноги, сел и старик. Полузакрыв глаза.

— Тебе не понять этого, Мейко,— сказал учитель тихо.— Так не бывает у ваших женщин...

— Почему не бывает? — качнувшись, спросил старик.— Бывает... Только в ваших больших городах бывает, я думаю, чаще... Ненецкая девушка видит — хороший охотник или плохой охотник; ленивый, пьяным бывает — будет плохой отец ее детям... Русская девушка не умеет видеть?

— Все не так просто, Мейко!

— Однако, я думаю, в ваших городах простые вещи стали сложными вещами... А что бы ты сказал, учитель, если бы тебе предложили отдать твоё новое ружье за старую малицу?

Мишка усмехнулся.

— Моему ружью нет цены.

— Однако да, хорошее у тебя ружье. А вот пришел бы к тебе человек из чужого стойбища и сказал: учитель, мои дети просят есть, у моей жены плохие руки, потому что в моем чуме давно нет мяса. Я пойду на далекую землю, на богатые места. Может быть, там я пропаду, может быть, мне повезет. Дай мне твоё ружье, а возьми мою старую малицу, потому что больше у меня ничего нет... Отдал бы ты свое ружье, учитель?

— Да,— сказал Мишка.

— Сердце за сердце,— одобрительно кивнул старик.— Когда-нибудь, однако, не будет этих глупых бумажек, а будет одна большая цена — твоё сердце, и вторая большая цена — мое сердце...

— К чему ты это говоришь, Мейко?

— Ты знаешь,— качнулся вперед старик и прикрыл глаза.— Ты знаешь, учитель, но не хочешь поверить себе... Твой чум до высокой луны был пуст и холоден. И мой народ отдал тебе свое сердце, и ты заслужил эту самую высокую цену. Какую цену хочет дать эта женщина за твоё сердце?

— Ты забыл, Мейко, что мое сердце — это только мое сердце,— хмуро сказал учитель.— И я могу отдать его за самую низкую цену. Никто мне этого не запретит, понятно?

Старик сгорбился и вынул изо рта обкусанный мундштук трубки.

— Когда у одного человека на губах злость, а у другого — глупость, у них не получится хорошего разговора,— сказал он горько.— Ты хочешь знать, какое мое дело? А если бы плохой человек пытался обмануть пьяного, что бы ты сделал, учитель?.. Ты сейчас — пьяный. Твоя любовь, учитель, как непоеный олешек, тянется к мутной луже и думает, что это река. А эта девушка чужими дешевыми мехами хочет закрыть дырку в своем худом чуме. Однако, я думал, что ты умнее, учитель.

— О, черт! Ты же ни разу ее не видел, как же говоришь? Ты ее совсем не знаешь!

Старик прищурился и усмехнулся, и рот его стал длиннее от резких складок в опущенных углах губ.

— Я не видел, как промахнулся охотник... Один раз промахнулся, два раза промахнулся, три раза промахнулся — много раз. Однако я знаю — он плохой охотник, как бы его ни хвалили длинные языки. Это просто, учитель. Человек раз сделал плохо, два раза, три раза, то он плохой человек. Ты скажешь, нет? Поезжай, спроси, чего хочет эта девушка. Поезжай! Только пусть твои глаза будут зоркими, а сердце трезвым...

Старик поднялся и аперевалку пошел к двери. У порога оглянулся:

— А когда вернешься, приходи к старому Мейко. Он покажет тебе, где искать большую реку. Если ты сам, однако, не видишь...

Над тундрами и над ветрами, над зайцами и оленями люди в меховых куртках водят свои маленькие самолеты. Я спрашивал у них:

— Не попалась ли вам, люди, такой высокий очкастый парень — медлительный, с черной трубкой, с волосами светлыми, как рожь на полях Поволжья?

И люди мне отвечали:

— Да вроде бы нет. А может быть, да...

А другие мне говорили:

— Скорее всего, нет, а там кто его знает...

Более двух веков хозяйничали в Западном Ириане голландские колонизаторы. И вот, наконец, над страной взвился красный стяг Индонезийской Республики.

В

Первого октября 1962 года народ Индонезии наконец добился своего: над бывшей столицей Нидерландской Западной Гвинеи — Холландией, теперь Котабару, взвился флаг свободы. Известие об этом застало меня в Джакарте. Разумеется, я тотчас начал искать возможность если не побывать в Западном Ириане, освобожденном от колониальных оков, то хотя бы повидать настоящих ирианцев.

Флаг Индонезии в Западном Ириане поднят, но пока еще хозяином там является Организация Объединенных Наций. Она взяла под опеку эту территорию, чтобы в мае 1963 года окончательно передать ее Республике Индонезии. Поздно вечером ко мне прибегает мой приятель, индонезийский моряк.

— Товарищ Саша, я слышал, вы интересовались ирианцами!

— Да.

— На острове Амбон, это недалеко от побережья Западного Ириана, есть один парень, бывший священник. Нет, в бога он уже не верит, партизанил в джунглях. Спас трех наших парашютистов и на пироге доставил их на Амбон. Всего десять дней назад. У меня друг — военный летчик, завтра он туда летит. Утром мы за вами заедем. Вернетесь на следующее утро.

Весь день второго октября я говорил с Якобусом, двадцатипятилетним ирианцем, от которого, казалось, еще веяло запахом моря, джунглей, пороха. Чуть ниже среднего роста, коренастый, с длинными руками, Якобус, видимо, очень силен. Курчавые, отливающие синевой волосы коротко подстрижены, его круглая борода похожа на шотландскую. Глаза большие, озорные. Порой они мстительно холодные: глянет, и становится жутко. Выражение лица определить трудно, оно непрерывно меняется. То, сверкнув слепящей белизной зубов, вспыхнет улыбкой, то помрачнеет и мгновенно состарится, то, разгладив морщины, застынет в мальчишеском удивлении. На правой щеке Якобуса — племенной знак: три выжженные полоски. Одет в серую рубашку, узкие парусиновые брюки и легкие кожаные башмаки.

Меня он встретил приветливым рукопожатием.

— Русия байк, сламат Маклай дан матагари Гагарин. Персахабан, мердека! [Россия — хорошо, добрый Маклай и высокий Гагарин. Дружба, свобода!]

Его рассказ я передам так, как он сохранился в моей памяти.

На задание отправились пять девушек: Сукьярти, Сити, Рохаяя, Мурани и Чао. Сукьярти была командиром группы. Самолет сбросил их в пустынном прибрежном районе Факфака. Они должны были связаться с местным партизанским отрядом ирианцев и с их помощью наладить отправку разведывательных данных в Сурабаяю.

Сити и Рохаяю голландцы схватили сразу же после приземления. На второй день их четвертовали на городской площади. Остальные патриотки скрылись в джунглях. По всему Факфаку и в окрестных деревнях полиция расклеила листовки с обещанием по пять тысяч гульденов за головы Мурани и Чао и десять тысяч за голову Сукьярти.

Якобус о парашютистах рассказал старый Йоханес, свой человек из Факфака, приносивший ему в джунгли еду и новости. В первую минуту Якобус порывался идти в город, выяснить все подробности, Йоханес его остановил. Он сказал:

— Не делай глупости, твоя жизнь нам еще пригодится.

Голова Якобуса у колонизаторов тоже была в цене: сунуть в карман двадцать тысяч гульденов охотники найдутся. Надо соблюдать осторожность.

Сцепив на затылке ладони, он лежал на раскидистой ветке ага-та, по привычке вслушивался в хрусткие шорохи джунглей. Сквозь густую листву сеялся жиденький свет луны. В стороне моря с шипением плескался прибой. Коротать ночь на дереве было не совсем уютно, но на такие мелочи Якобус перестал обращать внимание.

Куда же девались те трое парашютистов! Бедняги, партизан теперь они увидят тут не скоро. Отряд на прошлой неделе понес потери. Уцелели только Ахмат, Буа и Якобус. Ахмата Якобус послал за инструкциями в Соронг. Буа забрал с собой Йоханес: парень тяжело ранен. Якобус остался один. За год рядом с ним погибли десятки людей, а сам он и бороды не обжег. Разве Якобус прятался от пуль! Или от них он заговорен! Его, конечно, никто не обвинит: отряд окружили колонизаторы, и партизаны вынуждены были принять открытый бой. Кремневые ружья, один револьвер и стрелы против автоматов и фугасок! Но они здорово дрались!

Обычно партизаны действовали засадами или нападали на мелкие отряды солдат. От крупных кара-

КАНУН СВОБОДЫ

тельных экспедиций старались уходить. Но война есть война. Укрываться от врага бесконечно — значит признать свое поражение, не испытав, на что ты способен. Стычки всегда бывали жаркими. Попасть в плен — значит погибнуть под топором белого палача.

Что за мерзкая штука — казнь, да еще такая, как четвертование! По частям рубить человека, словно бревно. Кровожадные звери! Они думали, Якобус продаст им свою совесть. Хо-хо, господа, не тот корешок на зуб положили! Перо какаду принадлежит какаду.

В пять лет его насильно отняли у родителей. Из лесной деревушки увезли в Холландию, в миссионерскую школу для чернокожих. Там жили и учились такие же, как он, маленькие папуасы, будущие католические священники деревенских приходов. Их одели в платье белых и каждому дали новое имя. Мать звала Якобуса Тельгумом, Якобусом он стал в школе. Им говорили, что они сироты, и требовали забыть все родное: имя, семью. Католическая церковь взяла мальчиков на воспитание будто бы потому, что родители их умерли, а у белых людей доброе сердце. Все белые любят детей.

По праздникам им присылала поздравления сама королева. Обычно утренняя молитва проходила в учебных классах, но в этот день их вели в собор. Мальчики, как икону, целовали застекленный в рамку лоскуток от платья королевы, потом епископ торжественно читал ее послание:

— Дети мои! Материнское сердце вашей королевы...

Последние слова тонули в звуках органа. Хор пел здравицу Ее Величеству. Зачарованные мальчики истово молились за здоровье их заморской «всемогущей матери».

Белым господам ничего не стоило зачитать поздравления хоть от самого господина бога. Дети всемоу верят.

Якобус закончил школу с отличием. Как самого способного ученика его послали продолжать образование в Европу. Четыре года он учился в Гааге. За это время у него была возможность побывать в лучших соборах Амстердама, Рима, Мадрида, Лисабона, Брюсселя. Денег на него не жалели. Он был гордостью настоятеля кафедрального собора Холландии. Епископ относился к нему так великодушно, что обещал женить на белой женщине.

— Она, святой отец, меня не полюбит.

— Сын мой, ты не знаешь жен-

ЯКОБУС

щин. Они любят тех, кто им больше платит. Ты будешь богатым, очень богатым.

— Закон запрещает чернокожим жениться на белых.

— Ты женишься на безродной юной монахине. Твой брак освятит церковь.

Однако Якобус не спешил. Епископ не одобрял его медлительности, но и не настаивал.

Трогательная забота святого отца вызвала благодарность в душе Якобуса. Позже он понял, в чем дело. Просто голландцам нужен был чернокожий проповедник, который не смог бы от них уйти. Разве белая женщина согласится жить с папуасами!

Когда он вернулся в Западный Ириан, его снабдили целой папкой проповедей и приказали читать их везде, где веет смутой и непокорностью. Епископ сказал тогда ему:

Отныне это свободная земля...

— Твои соплеменники, сын мой, забыли страх перед богом. Они убивают белых людей, вольнодумствуют. Некоторые из них превратились в разбойников, готовых поднять руку на королеву. Не жалея сил и труда, призывай их к смирению, напоминай о карающем мече. Ты папуас, твои уста образуют заблудших.

Год он ездил по острову. Читал проповеди в деревенских церквушках, на рудниках, нефтепромыслах, в молельнях городских трущоб. За семнадцать лет, проведенных за высоким забором миссионерской школы и затем в Гааге, он впервые встречался со своим народом. Но повсюду его сопровождали два переодетых полицейских. Якобусу сказали, что власти дорожат его жизнью и в это беспокойное время сочли необходимым приставить к нему телохранителей. Но он убедился, что

полиция охраняла вовсе не его жизнь. Охранники не давали ему сблизиться с народом. Он мог говорить только то, что было напечатано в кем-то написанных проповедях. Ему не разрешали спрашивать соплеменников, как они живут и почему недовольны голландскими порядками, не разрешали слушать их исповедь, бывать у них в домах и вообще хотя бы на минуту оставаться в окружении простого народа без присмотра полиции. Они утверждали, что этого требует его личная безопасность. Личная безопасность! Семнадцать лет его учили, чтобы сделать из него дрессированного попугая!

Однажды в деревне под Факфом, когда Якобус выходил из церкви после проповеди, к его ногам упала старуха в лохмотьях.

— Тельгум, сынок!

Следовавшие за ним полицей-

РОХАНИЯ

МУРАНИ

ЧАО

ские бросились вперед, чтобы отшвырнуть женщину, но он успел подхватить ее и крепко обнять. Он услышал давно забытое родное имя. Так могла называть его только мать. Она узнала его по племенному знаку на правой щеке. Этот знак маленькому Тельгуму она выжгла своей рукой.

Потрясенный, Якобус прижимал к груди рыдающую от счастья мать, его растерянный взгляд бежал по обступившей их полунагой черной толпе, он дрожал и задыхался. Казалось, в груди у него что-то взорвалось. Два неведомых прежде чувства: радость и жгучая ненависть. С руганью и угрозами полицейские разгоняли толпу, но плотное живое кольцо словно окаменело. На Якобуса смотрели десятки настороженных пытливых глаз. Глаза молчали, они не могли говорить, но он слышал их вопль: «Ты сын этой женщины!»

Они жалели мать и презирали сына. Он вдруг вспомнил, как рав-

нодушно рассматривали они его в церкви.

Увлекая за собой старушку, он едва пробился к машине. Белый шофер услужливо распахнул дверцу, но тут же, брезгливо морщась, захлопнул, ткнул пальцем в женщину.

— Эту куда!

Обливаясь потом и с трудом переводя дыхание, Якобус медленно выдвинулся.

— Она моя мама!

Подросшие полицейские, озадаченные и злые. Старший, обращаясь к матери, сухо спросил:

— Вы можете доказать, что священник Якобус действительно ваш сын!

Старушка испуганно попятилась назад.

— Я дала ему жизнь...

— Нам известно, что родители преподобного Якобуса умерли...

Сдерживать гнев у Якобуса не хватило сил. Он ударил полицейского, и они защелюли на нем наручники. В Холландии его су-

дили за покушение на представителей власти. Перед судом к нему в камеру пришел епископ. Он сказал, что святая церковь скорбит о случившемся и хотела бы взять Якобуса на поруки, но он должен публично заявить о своем раскаянии и по радио обратиться ко всем чернокожим.

Теперь Якобус держался спокойно. Он ответил, что «святую церковь» больше не считает святой и если что-нибудь и станет заявлять публично, так только это. Еще попросил свидания с матерью. Все дни он думал о ней. Якобус не помнил названия своей деревни, но твердо знал, что они жили не рядом с городом, а где-то далеко в джунглях. Почему мать оказалась в окрестностях Факфака! Где отец! У Якобуса, кажется, было четыре сестры и три брата. В школе его уверяли, что они умерли вместе с родителями во время эпидемии.

Его приговорили к десяти годам концлагеря. Что такое концла-

герь, он себе никогда толком не представлял. Его привезли в Бовен Дигуле, в тот самый Бовен Дигуле, о котором заключенные пели:

Посмотрите на нас,
мы когда-то все были людьми,
сейчас мы болотные черви,
в Дигуле заживо гнием.

Сначала карантин. С Якобуса сорвали одежду и совершенно голым загнали в полузаоплавленное темное подземелье. Здесь его втолкнули в узкую железобетонную клетку: три сплошные стены и решетчатая дверь с окошком для подачи пищи. Он мог только стоять. Вода в клетке доходила до колен. Иногда она подымалась выше: подземелье было вырыто под руслом реки.

Кормили через день. Чашка хлебки из молотой банановой кожуры. Пить не давали совсем. Горстями доставал он ту воду, что была под ногами. Там плавало столько гадости!

В клетке держали два месяца. Потом перевели наверх, в барак. Он никогда не забудет, как они открывали дверь. Замок заржавел, его пришлось срубить зубилом. Надсмотрщикам это никак не удавалось. Провозившись с замком около часа, они, как бешеные псы, с молотками накинулись на Якобуса. Из подземелья его выволокли с проломленным черепом и перебитыми ребрами.

Обессиленный и избитый, он не мог ходить, но его гнали на трясину и там заставляли копать ямы. Не только его. В этом проклятом лагере таких были тысячи. Простой лопатой выкопать яму в болоте невозможно. Ее сразу затягивает. Но надсмотрщики требовали копать снова и снова. Когда яму затягивало, узника били. Многих

Дмитрий СУХАРЕВ

ИЩУ А

Расскажу по порядку. Меня командировали в Кишинев писать очерк об одном интересном ученом-биологе. Но тот был в отъезде, и я оказался не у дела. Каждый день я являлся в Академию наук, томился, болтал с сотрудниками этого биолога или слонялся по коридорам.

Там, в коридорах, и осенила меня мысль не терять времени даром, а попробовать собрать материал для какого-нибудь другого очерка.

И вот я уже стучу в дверь, табличка на которой сообщает, что в комнате работает руководитель отдела археологии Георгий Дмитриевич Смирнов.

Георгий Дмитриевич слушает меня, а потом говорит:

— Вряд ли мы вам годимся. Ведь для популярного очерка нужно что-нибудь броское — золотая Афродита, а у нас, сами видите, работа черная: сижу вот, клею керамику.

Мне становится совестно, и я совсем готов уйти, но тут Смирнов предлагает:

— Попробуйте, впрочем, расспросить Всеволода Ивановича Маркевича. У него интересные раскопки...

В этот момент в кабинет Смирнова врывается человек лет сорока пяти, шумит: ему опять не дают машину. Переключить его с этой темы трудно, а он, оказывается, и есть Маркевич.

В конце концов выслушивает. Нет, он не хочет, чтобы писали: «Это будет одно вранье».

— Напишите сами, — предлагаю я.

Маркевич колеблется, я вижу, как ему неохота, и сочувствую. Редкий научный работник стремится писать о текущих исследованиях для популярной печати.

— Знаете что, — говорит Маркевич, — поезжайте лучше в историко-краеведческий музей к Сергееву. У него в руках действительно редкостная находка — карбунский клад. Из раннего триполья. Там легко показать товар лицом, дать снимки, всякие романтические подробности. А потом мы пристроим свои черепки: эпоха та же — и будет вам очерк.

КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ ПЕДАГОГИКИ

Я возвращаюсь к биологам, а там пожилой, небольшого роста, очень худой и остроглазый человек с обширной, изрядно поседевшей шевелюрой.

— Так вы из столицы? А у нас для вашего журнала кое-что есть.

И он начинает изложение своих мыслей. В плотной струе классификаций и дефиниций чаще других попадает слово «краеведение», которое, как мне кажется, имеет не совсем оригинальный смысл. Насколько улавливает мое ухо, именно ему, краеведению, надлежит стать мостом, который воссоединит школу с жизнью.

Влип. Позволяю себе время от времени пребывать докладчиком для выведения периодических резюме.

— Значит, вы считаете, что бытующие формы трудовой практики неудовлетворительны, и предлагаете заменить их занятиями по краеведению?

Нет, не то.

Поток возобновляется с утроенной силой.

— Итак, — снова врезаюсь я, — ваши незримые оппоненты ведут целый класс в столярную мастерскую, а конечную пользу получают от этого лишь два-три ученика, в душе которых такая работа находит отклик. Так?

— Именно. Тотальный метод изжил себя хотя бы потому, что...

— Но, извините, ведь мастерская, завод, ферма — это действительно труд, а краеведе-

проглатывала трясина, сотни умирали от голода, истощения и побоев. Тех, кто уже не мог копать, заставляли с места на место перетаскивать камни. Если узники собирались в кружок и начинали о чем-то говорить, их разгоняли автоматными очередями. Того, кто осмеливался сказать слово против, бросали специально натренированными овчаркам.

Вырваться отсюда живым, казалось, невозможно. Но случилось непостижимое. Якобус бежал. В бараках Бовен Дигуле работала подпольная молодежная организация «Операси пемуда Ирнан» («Операция ирианской молодежи»). Ее центр находился в Соронге, но большинство руководителей было арестовано. Двое из них попали в этот лагерь. Там они создали группу по освобождению политических заключенных. Както Якобус передал записку:

«Товарищ, друг, брат!

Мы знаем о вашей судьбе и глубоко уважаем ваше гордое достоинство. Мы счастливы сознавать, что вы наш соотечественник и патриот, брат по крови и духу. Наш долг спасти вашу жизнь. Наберитесь мужества и ждите, мы готовим ваш побег. Нашему истерзанному, поработанному народу нужны образованные, культурные сыновья. Пусть знает мир, что мы не дикари. Такими нас делают колонизаторы, отнявшие у нас все, что они называют цивилизацией. Помните, на вас смотрит родина. Довольно молитв, довольно унижений! Боритесь! С нами мать — Индонезия.

Да здравствует свобода!

Операси пемуда Ирнан».

Они помогли ему бежать, и он стал членом их организации. В Соронге, куда он пробрался по-

сле побега, ему предложили возглавить политический отдел центра. Он отказался. Он просил оружия. Смерть за смерть!

В Бовен Дигуле от человека из «пемуды» он узнал историю своей семьи. В окрестностях деревни, где жили его родители, белые нашли нефть. Хююны папуасов им мешали, и они приказали жителям убираться. Приказ выполнили только женщины и дети. Мужчины и стариков закрылись в хююнах. Тогда солдаты подожгли деревню. Всех, кто пытался выскочить из огня, расстреливали. Они убили его отца и братьев. Сестер увезли в Факфак в солдатские казармы. Мать ходила по деревням, просила подаяние. Когда она встретила отнятого у нее сына, бедная женщина лишилась рассудка. Спустя несколько дней ее нашли мертвой. Якобус должен был за все расстреляться. Он еще не умел стрелять, но научился ненавидеть.

С тех пор минул год. Каждый настоящий бой стоил жизни целого отряда. Так больше воевать нельзя. Нужно оружие. Если бы у них были автоматы! Где же эти девушки, Сукьярти, Мурани, Чао! Девушек надо разыскать. Кругом засады, патрули. Без отряда операция невозможна. До Амбона миль триста. Может, больше, чем триста. У Юханеса хорошая пирога. Морские посты Якобус проскочит...

Слабый бриз тихо шевелит жесткие листья агата. Бледная луна уплыла куда-то на восток, и в просветах веток теперь виден яркий Южный Крест. Верхняя его часть напоминает копье. Или Якобусу это кажется! Пора спать. Завтра трудный день.

ДЖАКАРТА — МОСКВА

Игорь РИНК

Вл. СОКОЛ

РЯДОМ С НАМИ

Опять всю ночь горит заря,
О дне напоминая жарком,
Опять всю ночь мы бродим зря
Безлюдным и безмолвным парком.

И хоть мечтаю с давних пор
Всю жизнь прожить с тобою
вместе,

Но оборвется разговор
Опять на этом самом месте.

И над багряною Невой,
Где небо нынче в тучах редких,
Мы вспомним, милая, того,
Кто не вернулся из разведки.

Начнем года считать назад,
И все вернется с новой силой,—
Он для меня был друг и брат,
А ты? А ты его любила...

Пусть будет новость для тебя,
Как трудно было, в самом деле,
Мне, вас ревнуя и любя,
Мирить по десять раз в неделю.

Любить — и тайны ваши знать,
Их навсегда хранить клялись мы,
Любить — и с другом сочинять
Тебе назначенные письма.

Мы долго бродим, не спеша,
И слов, наверное, не нужно:
Ведь слишком память хороша,
И мы пред нею безоружны.

Мы нашей юности верны,
Она всегда перед глазами...
И тот, кто не пришел с войны,
Всю жизнь шагает рядом с нами.

ГРУЗЧИКИ

Весь день, порой хоть до смерти
устанешь,
Цемент в кулах таскал я
за спиной.

«Держись, Володька,
бригадиром станешь!»—
Подшучивал приятель надо мной.

Скрипели сходни под седым
цементом,

И старой ватерлинии следы
Упрямо миллиметр за
миллиметром

Приподымались из рябой воды.

Я резал хлеб к обеду, а Сережка,
Который был выносившей, чем
вол,

Ломтище сала в потемневших
крошках

Выкладывал торжественно на
стол.

Мы бутерброды весело жевали,
Ругали зной и, жажду утолив,
Поочередно квасом запивали
Из трехлитровой банки
из-под слив.

Тогда еще не знал я, что сегодня
Земля и звезды станут нам

сродни,

Но, видя под ногами только

сходни,

Не только сходни видел я в те

дни.

Я видел, не скрывая удивленья,
Как поднималось небо за спиной,
И шар земной в обратном
направленьи

Вращался, прогибаясь подо мной.

Ф Р О Д И Т Ч У

ние все же нечто развлекательное, хорошая форма отдыха, если хотите...

— Нет! Завод — это и есть краеведение!

Тут за ним приходят, и он вынужден покинуть меня, дав на прощание адрес своего методического центра, ведущего борьбу за новые веяния в педагогике. Я записываю и имя: Марк Израневич Волкомич.

КАРБУНСКИЙ

КЛАД

Уже нет, кажется, на столе свободного местечка, а Георгий Павлович Сергеев выкладывает из коробок новые и новые предметы. Даже мой непосвященный разум приходит в возбуждение.

Сергеев молчалив и неспешен.

А вот и сосуд, в котором хранились все эти богатства. И другой сосуд, поменьше, выполнявший роль крышки.

И пролежало все это в земле не сто, не двести и не триста, а пять тысяч лет.

Пять тысяч лет!

Как-то при слове «клад» приходит обычно на ум кубышка с золотыми (ну, пусть серебря-

ными) монетами или таинственный сундук, припрятанный пиратами (пятнадцать шагов на зюйд-вест от крайнего из вязов, что стоят по дороге к таверне «Веселый покойник»). А когда закапывали вот этот клад, не было не только серебра или золота, а и простого железа, бронзы не было! Четвертое тысячелетие до нашей эры! Едва-едва здесь, в Прутско-Днестровском междуречье, кончился каменный век, уступив место культуре, которую археологи именуют трипольской.

Найти при раскопках трипольских поселений украшение или, скажем, рыболовный крючок из красной меди — удача для археолога. А в карбунском кладе около четырехсот изделий из меди!

— Напишите, а, Георгий Павлович? — спрашиваю с надеждой.

Отказ. Знакомые аргументы: много работы, неудобно свою тему рекламировать. Нет, он писать не будет.

Если мне хочется, могу писать сам. Клад — вот он. Сергеев с Марквичем потом отредактируют, чтобы не было отсебятины.

Сергеев подсказывает мне, как надо писать очерк.

— Обязательно нужно сказать доброе слово о школьниках, они наши главные находчи-

ки! А кружок Марквич! Неужели ничего не знаете? Конечно, разве он скажет... Да это же целая история! А олонештский клад — редчайшая коллекция военных доспехов армии Александра Македонского, — тоже ребята навели! Десятки, сотни находок! Про это просто необходимо написать! Ведь у нас есть энтузиасты, которые школьников всей республики поднимают на это дело, у них целая система. Волкомич, например...

Отягощенный многочисленными советами и списками необходимой литературы, покидаю музей.

А к Волкомичу-то надо, брат, идти!..

В МИРЕ

СОГЛАСИЯ

У них и в самом деле целая система.

Я стремлюсь ее выяснить, но не допускаю никаких тем — пока! — кроме археологии. Хочу на примере археологии убедиться в реальности «краугольного камня», а потом проверить его приложимость к другим дисциплинам.

Итак.

Итак, существует некое согласие, союз. Узы естественны, никто не рассыла л повесток, не взывал: «Товарищи, проявим взаимопонимание!» — сошлись сами, потому что свело дело.

С одной стороны, археологи. У них своя забота, наука. Молдавия — это кладовая археологических кладов; слегка присыпанные землей, лежат здесь бесчисленные памятники многих культур. Но именно эта малая глубина залегания (нередко 20—30 сантиметров) грозит памятникам гибелью: под виноградники пахнут глубоко. Следы былых времен попадают на поверхность, разрушаются. Нужна массовая, повсеместная разведка археологических раскопок. Нужна археологическая карта республики. Короче, нужны тысячи понимающих глаз и умеющих рук. Никакое расширение научных штатов делу не поможет. Грамотное краеведение местными силами — это, если хотите, выход и школа — прямая дорога к нему.

Но школьников, а прежде всего учителей, надо организовать, поднатаскать, обучить. Что ж, археологи готовы принять участие в такой работе, они кровно заинтересованы в этом.

Другая сторона — педагоги. Те гнут свое, им надо, чтобы дети вообще росли людьми. Если должны ребята изучать, допустим, историю, то пусть они своими руками, заинтересованно докапываются до ее таянств. Если же надо приучать ребят к труду, то лучше всего, если они с самого начала увидят в нем не «часы», не унылую обязанность, а самое интересное из интересного, источник познания и удовлетворения. Школьники могут и рыскать дотемна по свежей пашне, и черепки клеить, и полки строгать для своего музея, нужно только их увлечь, а без помощи ученых этого не сделать.

Ясно также, что всех школьников увлечь такой деятельностью трудно и бессмысленно. Выявить тех, которые почувствуют в этом свое призвание, — вот задача.

Этот союз школы и науки освящает своим авторитетом ЦК комсомола Молдавии. Именно при ЦК работает специальная секция краеведения, которой руководит секретарь ЦК Анна Цариградская.

Место же, где я сижу и веду разговоры, — Республиканская экскурсионно-туристская станция для школьников — РЭТС. Название, прямо скажем, унылое. Насколько было бы лучше — Дом следопыта или что-нибудь в этом роде. Но люди здесь боевые. Вот и Волкомич работает здесь методистом.

Мы с ним пристроились в помещении музея станции, возле витрин с археологическими экспонатами. Музей не для парада, он как бы наглядное пособие, помощник краеведу в определении находок. Каждая культура представлена тишичными образцами.

Содержится музей в любви и холе. На каждой группе экспонатов написано, кто их нашел.

Обращаю внимание на то, что чаще других встречается Флорештский дом пионеров.

— Ничего нет удивительного, там несколько лет кружок вел Маркевич.

Непонятно. Флорешты — отдаленный районный центр, а Маркевич — здесь, в академии. Как же так?

— А он тогда не был в академии. Он работал лесничим.

Выясняется, что у Маркевича лесотехническое образование. Году в пятьдесят вторым ловил рыбу в Днестре и нашел в береговых обнажениях много обработанного кремня. Вспомнил детское увлечение историей, отвез находку в Кишинев. Оказалось, что это неизвестная для Молдавии культура. Маркевича привлекли к археологической конференции, предложили даже работать лаборантом в академии, наверно, почувствовали пробуждение в нем страсти.

В то время из этого ничего не вышло, но оторвать Маркевича от археологии было уже нельзя.

Только в 1956 году, будучи уже автором научных публикаций, Маркевич смог поступить на заочное отделение университета, а с 1960 года он работает в академии.

— А кружок-то без Всеволода Ивановича захирел, — добавляет Волкомич уныло.

ПЕТР ПЕРВЫЙ КАК ОПЫТНЫЙ ПОЛИТИК

Я тоже был школьником и тоже проходил историю. «Петр Первый как опытный политик... пойдет... расскажет... Петр Первый... расскажет... (Палец движется по списку класса, дыхание наше стеснено)... Петр Первый... расскажет... Рапопорт!»

Больше ничего не помню.

Кончались уроки, мы выбегали на московские улицы. Улицы, как улицы, проходные дворы, потайные лазы, коммунальные квартиры одноклассников. Кого из нас тогда касалось, что здесь жили Пушкин, Мицкевич, Чехов? Что по нашей улице шагали ополчения и тех и этого веков? Что не просто так, а в пику аристократическому Английскому клубу, который выглядывает с другого конца переулочка, воздвигли здесь купцы свой клуб? И что в этом здании, в бывшем Купеческом клубе, выступал Ленин и велел комсомолу учиться, учиться и учиться!

Улица сама по себе, школа сама по себе — ненавистный предмет история.

Сижу на РЭТС, листаю альбомы. Коллекция материалов о Сергее Лазо. Это оргеевские пионеры. «Революционное движение в Бессарабии в период румынской оккупации», целое научное исследование — это Бендерский дом пионеров.

Могу понять, что на такой же «краеведческой» основе можно влить жизнь в изучение, например, ботаники.

Вспоминаю сцену в Кишиневском ботаническом саду. Пришли дети, целый класс, фартучки, портфели. Получили лопаты, копали положенные «по труду» полтора часа, потом ушли. Пришла новья. Сотрудница комментировала: «Нам, конечно, выгодно: они кое-что делают, но разве им, детям, есть какая-нибудь польза? Класс за классом... А если бы из всех ребят отобрать таких, которых бы интересовали растения, мы бы им выделили участок, они бы целыми днями тут торчали! Это были бы помощники!»

Без особого напряжения представляю себе сходные возможности для географии, зоологии, геоботаники. Но это все, очевидно, «краеведческие» дисциплины.

Пытаюсь прикинуть, что получится с предметом посложней. Литература. Что ж, и здесь приходят на ум некоторые «краеведческие» способы общения с жизнью. Собираение фольклора, участие в распространении книг, знакомство с работой библиотек.

Но во мне сидят два вопроса. Археологи, ботаники, библиотекари — это, конечно, славно. Но большинство выпускников пойдет на производство — на заводы, в колхозы. Поможет ли им «краеугольный камень педагогики» или только ухудшит дело: как-то, лизнув конфетку романтической науки, сидеть потом на суровом хлебе обыденной жизни?

Это вопрос номер один.

И другой: как быть с дисциплинами, не приспособленными для краеведения? Например, с математикой, физикой, химией?

И я задаю эти вопросы в упор Волкомичу. А он смеется.

Как нарочно, в этот момент на станцию заходит руководитель Проскурянского кружка туристов Сорин. Он учитель физики, и Волкомич напускает меня на него.

— Так что же, — усмехается Сорин, — мы еще туристы, до краеведения не доросли. Одно могу сказать: кто в поход ходил, тот физике лучше знает...

Волкомич смотрит на Сорина свирепо.

— Вы! Почему нам не напишете о своем опыте? Для нас каждая кроха важна!

Разделавшись с Сориним, Марк Израилевич берется за меня. Но, пожалуй, мне уже не надо ничего объяснять, фантазия заработала, а Волкомич продолжает обрушивать на меня каскад примеров. Изучение механизмов, работающих в микрорайоне школы; общение с новаторами производства, воспроизведение своими руками малой и средней рационализации; знакомство с экономическими расчетами — вычисление продуктивности, рентабельности, учет

соревнования, применение статистических методов в хозяйстве...

Продолжать можно без конца. И все примеры — совершенно «краеведческие»! Неожиданно я получаю ответ на оба вопроса сразу.

И в самом деле, в большинство школьных дисциплин жизнь удобнее всего влить именно связью с местным хозяйством, именно здесь проявят свои природные наклонности многие ребята, значительная их часть. По сути, такая экзотическая отрасль, как археология, скорее исключение из этого общего правила.

Не будем думать, что все так и делается по всем школам республики. Но есть люди, которые твердо намерены этого добиться. Они гордятся тем, что обгоняют Москву, и может быть, не без оснований. Их обижает, когда к ним относятся, как к провинции, и это правильно. Мне рассказывали, что однажды приехал из Москвы археолог. Маркевич со своим кружком водил его по стоянкам, а потом в столичной газете было написано, что он — приезжий — эти стоянки открыл «с помощью местных школьников». К дикарям он приехал, в пустыню, а туземные дети ему помогали!

Хорошо, что молдавские педагоги считают себя не какими-то периферийными работниками, а участком общего фронта, может быть, хорошо продвинутым участком.

ВАЛЯ

Между тем идет уже вторая неделя, как кончилась моя командировка, биолог все не едет, но теперь я не слоняюсь бесцельно, любопытство мое возбуждено, и дни насыщены.

А в кармане лежит билет на самолет, и решить осталось один вопрос: как бы получше провести оставшийся день. То ли без особой надежды на успех поехать в Ниспорены, где по селам района мотается комсомольский секретарь Анна Цариградская, то ли разыскать легендарного Пилата, возглавляющего краеведческое дело в Кишиневском Дворце пионеров, то ли...

Это последнее «то ли» перевешивает: Маркевич.

Я уже привык, что, с кем ни говори, разговор сведется к Маркевичу. Маркевич открыл, Маркевич закрыл, Маркевич откопал, Маркевич организовал... До зарезу хочется увидеть этого Маркевича.

Собственно, я его видел, это он шумел насчет машины, — но тогда я не знал, что на Маркевича нужно смотреть хорошенько. Он шумел, сказал мне «любезность» («Это будет одно вранье»), потом исчез, а я и лица не помню.

Маркевич на раскопках «где-то около деревни Новые Русешты». Это недалеко.

У села Бардар выхожу из автобуса, вон и Новые Русешты видны в отдалении. Большая деревня, прилепившаяся к склону холма. Возле тощей речушки чернеет вырытая земля. Еще полчаса, последние шаги по морковному полю — и взгромождаюсь «на бруствер».

Пятеро кончают копать, смотрят на меня.

— А где Всеволод Иванович?

— Он минут пятнадцать назад уехал в Кишинев.

Вот это да!

Сажусь на край раскопа, потом вскакиваю: может, догоню? Куда там, он уже на шоссе, сел на попутку...

Неутешительные объяснения дает мне красивый загорелый парень, без рубахи и в странной кепочке, лишенной козырька. Он стоит на коленях перед кучей костей и пересчитывает их, кидая мне короткие фразы. Мягкий молдавский акцент.

— Рассказать?

Он кончил пересчитывать кости и подсел ко мне.

— Меня зовут Валя. Я заместитель Всеволода Ивановича, остальные ребята — местные, колхозники. Вы археолог?

Признаюсь, что нет. Валя как будто даже рад этому. Для начала он в общих чертах рассказывает мне о раннем триполье. Показывает орудия труда. Знакомит с кухней трипольца. Валя берет кость за костью: овца, тур, благородный олень, свинья...

Странно все же: прыгнуть с морковного поля в яму, которая всего-то по колено, и ока-

заться на глинобитном полу дома, построенного пятьдесят веков назад. Не этим ли сопряжением отдаленных времен так привлекает археология?

А Валя — он будто только что побывал у трипольцев, все он знает в натуре: вот так они глину месят (половы надо подмешать!), вот так жнут (костяном серпом), вот так горшки лепят (выглаживая изнутри большим пальцем)...

— Удачные раскопки, да?

— Очень удачные, почти каждый день что-нибудь интересное. Из-за этого Всеволода Ивановича и нет: не выдержал, повез хвалиться. До сих пор не знали, как выглядел мужчина трипольец, а мы нашли статуэтку — вот такая бордичка! Так он аж прыгал от радости. Нашли уже десяток мотыг из рога оленя, медные изделия, прекрасные костяные серпы, проколки, женские статуэтки, новые типы орнамента на керамике. Пойдемте к нам домой, покажу.

Дом — это склад. Или лаборатория? Ящики, пакеты, свертки с находками, на раскладушках сохнут фотографии, на столах сохнут склеиваемые из кусочков костяные изделия, на окне — «Ацетон, огнеопасно!».

— Мы с Всеволодом Ивановичем до четырех обычно на раскопках, потом рабочие уходят, а мы на разведку, пока светло, ну, а уж потом часов до одиннадцати разбираем материал.

Выясняется, что и здесь Маркевич пристроил к разведке школьников, они уже помогли найти несколько поселений. А на будущий сезон он хочет совсем отказаться от наемных рабочих, копая только силами школьников.

— Жалко, скоро мне придется оставить Всеволода Ивановича одного. В ноябре в армию идти, так родители обижаются, надо с ними недельку пожить.

В армию? Разве он еще не окончил университета?

— Да нет... — Валя смущается. — У меня другая специальность. Я вообще-то повар. Вагон-ресторан Москва—Кишинев. Ну, а как сезон, я беру расчет и на раскопки, третий год уже. Экспедиции ведь с весны до поздней осени, так я из одной в другую и перехожу. На славянах был, на скифах... Но все же, — он поднимает глаза, — я твердо решил: буду специализироваться по триполью. Как Всеволод Иванович.

Понятно?

Он повар. Через три недели уходит в армию. А специализироваться он будет по триполью. Не по скифам, не по бронзе, не по славянам, не по средневековью, а по триполью. Вот так.

ШАГ ВТОРОЙ

— Видите, какими иногда странными путями приходят в нашу науку, — говорит Георгий Дмитриевич Смирнов, когда я захожу к нему откланяться. — Маркевич из лесничих. Смешно сказать, он только в этом году получил диплом историка, а ведь очень квалифицированный археолог, с серьезным научным багажом. Валя Дергачев — тот кулиар. Его недавно повысили, назначили заведующим производством. Оклад — сто пятьдесят рублей. А к нам идет на пятьдесят, да еще работает от зари до зари...

Да, Валя-повар будет археологом, в этом нет сомнения, как нет сомнения в том, что в отделе, руководимом Смирновым, помогут встать на ноги любому, кто почувствует призвание к археологии, как помогли Маркевичу и Вале.

Но тем обидней, что парень не смог определиться вовремя. И тем притягательней поиск, который ведут педагоги Молдавии.

Конечно, несколько лет назад введение в школе производственного обучения было шагом вперед. Этот шаг давал известное знакомство с жизнью и обеспечивал выпускника некоторым трудовым навыком, зачатком профессии — куском хлеба, грубо говоря. Но теперь настало время делать второй шаг. И отталкиваться нужно от простой мысли: каждый ученик не похож на другого, и каждому следует помочь получить трудовую профессию в соответствии с его человеческой особенностью.

Ничего нового в этой мысли нет, просто школа должна была созреть для того, чтобы такие поиски встали на повестку дня.

Если я правильно понял, молдавский вариант решения включает в себя:

- 1) предметное усвоение каждой учебной дисциплины на местном материале,
- 2) как можно более раннее, чуть ли не с пятого класса, выявление склонностей каждого ученика и

3) работа его во внеклассном коллективе собратьев по призванию (кружок) при внешкольном «взрослом» коллективе (завод, библиотека, гараж, лесхоз, магазин и все что угодно) — с постепенным движением от «ознакомления» к продуктивному труду.

Пусть это зовут «краеведением», важен результат.

Выигрывает школа и каждый ее выпускник. Выигрывает наука. Про это мы говорили на примере археологии.

Выигрывает и хозяйство. Не только благодаря собственному труду школьников (когда каждому работа будет по душе), но и потому, что в ходе такой «краеведческой» деятельности можно собрать множество наиболее ценных сведений: растительные и минеральные ресурсы, образцы народной селекции, отработанные веками и потом забытые приемы агротехники и многое другое.

И этот шаг, этот бросок вперед делает не одна «базовая» школа, не экспериментальный район, а целая республика! Работа ведется по плану, ею руководит штаб, находящийся в ЦК комсомола. От малого — к большому, от скромного альбома — к выявлению энтузиастов нового дела.

Главное — люди. Найти, подготовить людей, которые на местах, повсюду поведут работу. Для этого археологи из Академии наук Кетрапу и Маркевич водят учителей по раскопкам и читают им лекции, а республиканский музей выпускает на молдавском и русском языках написанное молчаливым Сергеевым пособие по самостоятельному ведению разведки. Для этого краеведческие кружки районных Домов пионеров преобразуются в школы инструкторов. Для этого методист Волкомич хватает за грудки физика Сорина и радуется, что где-то в Каушапском районе есть инспектор Думитрашк — «наш до кончиков волос»...

Может быть, что-то я рассказал неточно, о чем-то важном не упомянул.

Но если вас волнуют эти вопросы, напишите хотя бы на ту же РЭТС (Кишинев, Советский переулок, 5). Я уверен, что вам ответят, и с удовольствием.

Алексей ЗАУРИХ

Дороги этого лета

Плечи затекли
от матросской лямки.
В полусне, вдали
отбивают склянки.

Вот висит звезда —
это все бывает.
Отбивают. Да.
Верно, отбивают.

Шаг. Еще шагок.
Как в бреду, качаюсь.
И, как наш движок,
разом отключаюсь.

Но во мне
во сне
что-то вдруг взметнется,
будто бы во мне
океан просветится!

Самое во всем
высшее значенье.
В ноше,
что несем,
в радости, в мученьях.

В синих ширях,
где
ходим без оглядки,
в днях моих,
в страде
до последней склянки!

...Встану молодой
на седом просторе.
Как бачок с водой,
опрокину море.

А надо что: на корточки присесть,
и пусть лучи впиваются, как стрелы,
химическим составом смазать сеть,
чтобы в воде соленой не сопрела.

Со мной на берегу среди жары
сидят рыбки редкими рядами.
От испарений, как от мошкеры,
их лица перемотаны бинтами.

Хоть солнце бьет, как частый молоток,
хоть мир наполнен зноем, будто магом,
по телу пробегает холодок
от глаз синющих, спрятанных под
марлей.

Ах, синева из прорезей течет,
как родниковый свет в туманной чаше!
И все, что было горько, — то не в счет,
лишь сердце разрывается на части.

Нас Каспий понесет, как борзый
конь, —
меня и этих писанных красавиц.
А так и есть: и в воду и в огонь,
хмельной, за недотрогами бросаюсь.

Вот с гальки, вот с нагретой плиты
встают девчата, песенки заводят.
Разматывают медленно бинты —
так бабочки из коконов выходят.

— Парней, — смеются, — русых и рябых,
с тобою мы, мальчишечка, забудем.
Ах, из-за глаз твоих хороших, голубых
мы ночью спать нисколечко не будем.

О господи, как хочется писать,
и жить, и жить — ходить, летать и плавать,
и на вечерке русского плясать,
и, все забыв на свете, петь и плакать.

И башмаки изнашивать до дыр,
и каждый день, отбросив страх и говор,
входить, как в новый город, в этот мир,
где утром гам, и звон, и громкий говор.

Где, друг, живется здорово тебе,
где вы, друзья, дышать не устаете,
где я в обычной будничной ходьбе,
как будто бы в стремительном полете.

...Иду — глаза бессонные несущи.
И сердце к настоящему готово.
Лукаются звезды, как в лесу,
и смотрят зло и чуточку бедово.

ГРИБНОЙ ДОЖДЬ

Это надо ж такому случиться со мной!
В блеске спиц из лучающей меди
Прямо под ноги катится дождик грибной
На сверкающем велосипеде.

Градом солнечных капель меня окатила.
Был он, как говорится, в ударе.
Подмигнула и куда-то, чудак, укатил,
Нажимая вонсю на педали...

На земле хорошо. День обычен, как все.
Не давила усталость на плечи.
И шептали, казалось, мне травы в росе:
Веселее шагай, человеке!

БУДЕМ

Эти пятиэтажные домики выросли на окраине Ленинского проспекта в 1960 году. И сразу же в них вселились шумные и неутомимые хозяева — ребяташки...

Интернат Октябрьского района Москвы. Здесь живут и учатся дети, потерявшие родителей, и те, чьи родители уехали в длительные командировки. Есть здесь и группа детей иностранцев, приехавших в Советский Союз работать или учиться. Их немало — около шестисот. И для каждого из них интернат стал родным домом.

Сегодня мы рассказываем о юных спортсменах этого обычного, рядового интерната. Таких в Москве более семидесяти. И все они имеют хороших спортсменов. Интернат Октябрь-

ского района, например, занял в лыжных соревнованиях среди столичных интернатов лишь седьмое место. А ведь здесь тридцать лыжников-разрядников!

При интернате сейчас работают секции лыжного спорта, легкой атлетики, настольного тенниса, баскетбола, волейбола, футбола и хоккея. Платных тренеров нет. Руководит секциями преподаватель физкультуры Николай Кириллович Иванов, а помогают ему сами ребята — лучшие спортсмены интерната. Число детей, занимающихся в секциях, неизменно растет. Среди них уже свыше пятидесяти разрядников. И это — только начало. Ведь и самому интернату пошел лишь третий год!

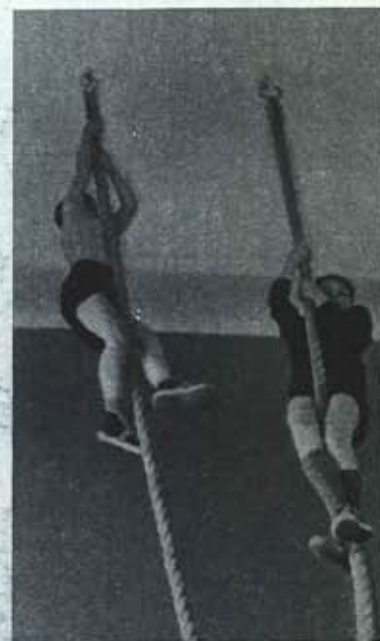
В распоряжении детей оснащенный по всем правилам спортивной техники

зал. Сами школьники оборудовали футбольное поле и лыжную базу. А теперь они мечтают... о своем зимнем бассейне. Да, да, бассейн! Он уже есть, только в разобранном виде. Имеется и место, где установить бассейн. Вы спросите: в чем же тогда заминка? Да в бюрократизме некоторых руководителей. Один восклицает: «Зачем бассейн?!» Второй с сомнением начнет головой: «А не допустим ли мы ошибки?..» И лежит бассейн, разобранный, несколько месяцев.

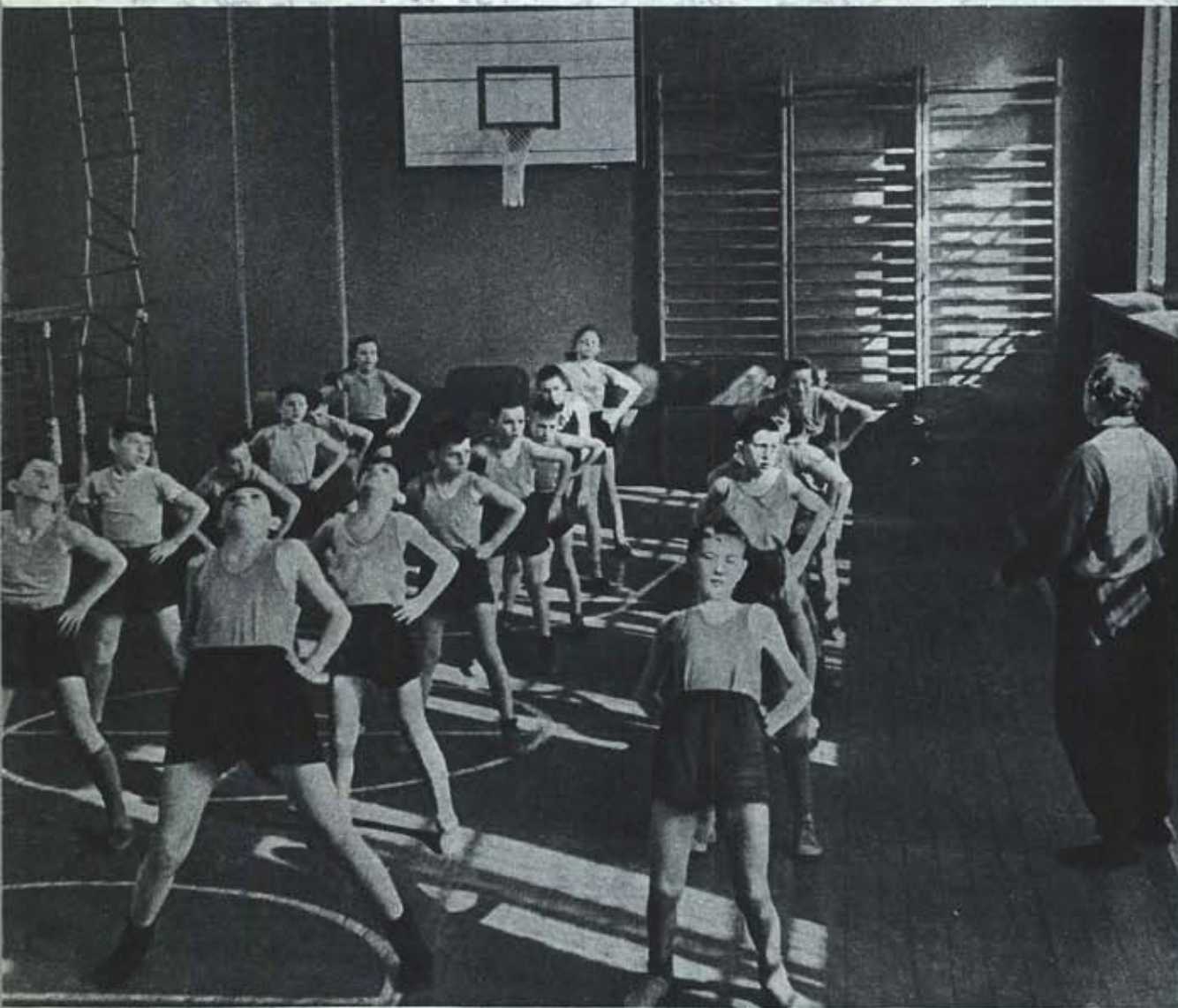
Итак, сегодня мы рассказываем о будущем спорта. Так принято называть детей. Что ж, запомните имена воспитанников интерната Октябрьского района. Кое-кого из них вы наверняка увидите через несколько лет среди наших мастеров!

— Упражнение начинай! — командует Николай Кириллович Иванов. — Раз-два-три-четыре!..

На уроках физкультуры, которые обязательны в каждой из наших школ, знакомятся ребяташки с азами спорта.

Лазанье по канату — увлекательное и полезное упражнение. Ребята охотно выполняют его. Кто быстрее взберется вверх и спустится обратно?

И с прыжками в высоту дети знакомятся на уроках физкультуры. И, надо сказать, прыгают они неплохо. Саша Архипов, например, берет высоту 1 м 55 см.

СИЛЬНЫМИ И ЛОВКИМИ

Лыжный спорт особенно популярен в интернате. Занимаются лыжами буквально все: ведь зимой уроки физкультуры превращаются в лыжные тренировки.

А вот еще одно интересное упражнение: подъем вверх по приподнятой скамейке. ←

Юра Петров, как говорится, совсем недавно ходил под стол пешком. Но теперь он похвально держится у стола для настольного тенниса. →

Закончен еще один день. Он был насыщен интересными спортивными занятиями. Теперь надо тщательно убрать зал — это тоже обязанность самих ребят!.. ↓

«Не подмажешь — не поедешь!» — обычно говорят лыжники. В интернате эту поговорку перефразировали: «Не поработаешь — не поедешь!» Сами ребята оборудовали лыжную базу. Все здесь сделано их руками (верхний снимок).

Иман Адиль приехала из Ирака. Она никогда не видела коньков. Сейчас под руководством подруг Иман учится кататься на коньках. →

Поиграть на снежной горе — тоже большое удовольствие!..

СИНЯЯ ПТИЦА СТАНИСЛАВСКОГО

Станиславский превратился в понятие, известное всем, но в существе своем очень немногим. Как и Эйнштейн. Осмыслить, охватить разом такое художественное явление, как Станиславский, нелегко. Можно посмотреть на него издали, со стороны, как смотрят на далекие горы, — тогда он виден весь, в целом. Но неясным может остаться главное — конкретный смысл и особенности его искусства.

Можно подойти к нему вплотную, как подходят к подножию горы, — так близко, что можно потрогать рукой породу. Но тогда легко потерять представление о целом, порвется связь между различными сторонами деятельности великого художника.

Эти две крайности, две опасности существуют в суждениях о Станиславском. Одна — слишком общее, так сказать, абстрактное его признание. Именно так нередко подходят к нему теоретики, то есть люди, не связанные с работой в театре. Другая опасность — это узкоутилитарный подход к Станиславскому. Из его учения стараются извлечь наиболее доступный рецепт, наиболее удобный метод практической работы.

Эти крайности характерны для сегодняшних дискуссий о Станиславском (а их в юбилейный год, разумеется, особенно много), в которых сталкиваются практики театра и его теоретики.

К счастью, существует еще одна возможность восприятия искусства Станиславского — непосредственное, эмоциональное восприятие.

Если спросить меня, какой спектакль из идущих в Москве самый живой, самый мудрый и поэтический, самый совершенный в плане художественном и самый таинственный в средствах, которыми он создан, я скажу, что это «Синяя птица» во МХАТе. Вот уже больше пятидесяти лет идет она на сцене и не стареет, для каждого нового поколения зрителей оставаясь тем чудом, которое открывается человеку, впервые попадающему в мир искусства.

Вам исполнилось шесть лет, и в день рождения вам подарили Художественный театр и «Синюю птицу». То, что вы испытали в тот день, можно назвать потрясением. Мечта о «синей птице» навсегда поселилась в вашей душе. Вы впервые задумались о жизни, о смерти, о счастье, но, конечно, не знали, кто тот человек, которому вы обязаны этими первыми, пусть наивными, философскими размышлениями.

Так вошел в вашу жизнь Станиславский. «Синяя птица» помогла вам если не понять, то почувствовать, что такое красота, добро и правда, — это гораздо важнее.

А потом вы выросли и увидели чеховские спектакли МХАТа, и «На дне», и «Горячее сердце», вы прочитали «Мою жизнь в искусстве», книгу-исповедь, удивительную по откровенности и мудрой простоте выводов. И постепенно Театр занял значительное и серьезное место в вашей жизни — независимо от того, стали вы профессионалом или остались только зрителем.

И как бы ни судить о Станиславском, какой бы точки зрения на его открытия ни придерживаться, главным будет несомненное и бесспорное: Станиславский и созданный им театр в течение десятилетия формировали не только эстетические понятия нескольких поколений, но и понятия нравственные.

Что же касается наследия Станиславского, то юбилейный год ознаменовался, пожалуй, не единодушным признательным хором, как это нередко бывает во время юбилея, а остротой споров и дискуссий. И это естественно, закономерно и радостно. Слишком долго привилегия быть «учеником и последователем»

Он умел смотреть и слушать так, как никто...

Он замечал малейшую фальшь, неискренность...

Он доходил до самой сути...

В своих удивительных руках он держал это «чуть-чуть», на котором и держится искусство.

находилась в руках людей догматического склада ума, слишком долго Станиславского, вечно ищущего, сомневающегося, беспокойного, старались представить сухим педантом, создателем нормативной, неизменной, театальной эстетики и методологии. К счастью, сегодня позиции догматиков потерпели поражение, и о наследии великого реформатора сцены завязались живые и свободные споры.

Как выяснилось, изучение Станиславского до сих пор было несильно односторонним. Из всего богатейшего его наследия выделялась лишь одна сторона — об актерском творчестве и его законах, то есть то, что сам он называл своей «системой» и разработал в большом количестве теоретических работ. Таким образом, Станиславский представлял лишь теоретиком, а его учение нередко излагалось как доступный для зубрежки свод правил. Забывался Станиславский-художник, Станиславский-режиссер, сломавший все правила старого театра. Забывалась фантазия Станиславского и поразительные режиссерские открытия, совершавшиеся в каждом его спектакле. Забывалось искусство Станиславского.

Станиславский-постановщик, создатель спектакля руководствовался теми же верованиями и задачами, что и Станиславский-педагог, создатель «системы». В центр своего режиссерского замысла он всегда ставил человека с его психологией и сложностью внутреннего мира. Причем в его представлении это не был «человек вообще», некая психологическая абстракция, а всегда человек конкретной эпохи, социальной среды, определенных условий жизни. Как растение связано с землей, с ее соками, с воздухом и его температурой, так человек связан со своей эпохой, страной, городом, домом, семьей, сегодняшними событиями и зависит от всего этого в своей психологии, настроении и поступках. Эта истина определяла всю режиссуру Станиславского, его подход к пьесе и работу над ней. Удивительная живость и осязаемость его спектаклей связаны были с таким на редкость конкретным художественным мышлением. Благодаря этому в руках Станиславского классические пьесы освобождались от хрестоматийности, оживали, обретали первоначальную силу.

Иногда Станиславского пытались представить приверженцем одной, бытовой, едва ли не натуралистической формы спектакля. Нет ничего несправедливее такой точки зрения. Всю жизнь Станиславский твердо держался принципа «внутренней правды», правды мысли, правды психологии. Но, пройдя этап привязанности к обязательному внешнему, бытовому правдоподобию, он стал художником поразительно свободным и точным в выборе формы и стиля спектакля. Чего стоит в этом смысле хотя бы последние его режиссерские работы — гротескная, вся на преувеличениях, постановка «Горячего сердца» (никто до Станиславского не ставил так Островского!), буйно-народная, ослепительно-праздничная «Женитьба Фигаро», строгий, мужественный, лаконичный «Бронепоезд 14-69»...

«Систему» Станиславского сегодня открыли для себя театры всего мира. Разумеется, каждый большой художник понимает Станиславского по-своему и берет от него то, что считает для себя необходимым. И тут нельзя требовать и ждать, чтобы Станиславский всеми понимался одинаково. Важно лишь, чтобы гений не толковался как создатель одного, единственно верного закона творчества, одного правила или метода. Меньше всего учение Станиславского предполагает неподвижность и неизменность. Жизнеспособность его открытий как раз в том, что они требуют творческого к себе отношения.

Все эти моменты наследия Станиславского в юбилейный для него год служат предметом споров и обсуждений. Станиславский, как всегда, — в центре борьбы мнений.

А пока в среде профессионалов идет эта борьба, мой семилетний сын впервые идет на «Синюю птицу»... Я помогаю ему открыть желаемую дверь с медным кольцом и пропускаю вперед себя этого нового зрителя Художественного театра. Он пришел к Станиславскому, переполненный ожиданием чуда, а я счастлива, зная, что он это чудо сейчас увидит...

Бриз Дует с моря

РАССКАЗ

Странные взаимоотношения сложились у Глеба Кольцова с этим городом на восточном берегу Каспия...

Пять лет подряд три или четыре раза в месяц он приходит сюда на танкере. Ночью любуется густыми россыпями огней, и город кажется беспредельным, чуть таинственным. Днем он выглядит скромнее: невысокие коробки домов, колонны дворца культуры и верхушки деревьев единственного сквера теряются у подножия голых, поздеватых гор.

Танкер швартуется в углу бухты, в восемнадцати километрах от города, и только сегодня, впервые за пять лет, Глеб выбрался в город. Здесь началась его штатская жизнь после Тихоокеанского флота, здесь он имел друзей и не знал врагов, здесь каждая улица осталась в памяти...

— Без пересадки с океана в пустыню? — усмехнулся когда-то начальник геологической партии Владимир Григорьевич Пряхин. — Не слышом ли резкий поворот, товарищ Кольцов?

— Я не видел пустыни, — ответил Глеб.

Геологи взяли его радистом, и он очутился среди крутых барханов фиолетовых песков Уч-Тагана. Пряхин был старше Глеба всего на три года. Они поселились в одной землянке и незаметно перешли на «ты». Вместе с Пряхиным они приехали на пропыленном «газике» в город, взбежали по лестнице в ресторан морского вокзала и, окунув носы в прохладную пену, ошеломляли буфетчика дядю Яшу количеством выпитых кружек пива. После солоноватой воды Каракумов пиво казалось бесценным фактом человеческой доброты.

Капитально утолив жажду, они отпраивались бродить по городу. Под вечер раскаленный воздух, похожий на сухой пар, уже разгонял постоянный береговой бриз — прохладный ветерок, рожденный в ущельях гор. На главную улицу, полого спускавшуюся к морю, высыпало все непожилое население. Пряхин с Глебом балдели от улыбок незнакомых девушек, неумело приглашали их в кино, чаще всего получали отказ, но не огорчались. Они все равно были счастливы. Все равно город на сутки принадлежал им целиком, со всеми сговорчивыми и неговорчивыми девушками, с неширокими площадями и ступенчатыми тротуарами, с кораблями, весело трубящими в голубой бухте. Хозяева пустыни от Аральского моря до кипящего пролива Кара-Богаз, они имели право и на город, расположенный на их необъятной территории...

Далеко за полночь Пряхин и Глеб вваливались в комнату для приезжающих при геотресте. А утром, бодрые и равнодушные к протестующим воплям секретарш, они штурмовали кабинеты начальства, «провоачивали» дела, и когда опять наступал вечер, они покидали город. Он оставался за спиной, готовый подчиниться им в следующий приезд, самый собственный город на земле.

На заднем сиденье «газика» они увозили аккуратно перевязанные стопки новых книг, поглощавших половину зарплаты Пряхина, и канистру с пивом. Пиво в лагере немедленно уничтожалось всей партией, а книги выстраивались на низких стеллажах вдоль фанерных стен землянки. На стеллажах висел плакат: «Окурки бросать на пол!» Плакат, по утверждению Пряхина, дисциплинировал и вынуждал чаще подметать пол. На вьючном ящике, в углу, поблескивала зеленоватой медью труба старинного телескопа с волнующим клеймом «Лондон. 1902 год». Пряхин купил телескоп на барахолке в Ашхабаде и невероятно гордился своим приобретением. Он поднимался с ним на верхнюю площадку буровой вышки, по первой просьбе, с удовольствием показывал в луну кратер Коперника. Однажды они захватили телескоп с собой в город, водрузили на подоконник в комнате для приезжающих и принялись рассматривать женский пляж. Образовалась нетерпеливая очередь, и комсомольский комитет хотел потом проработать Пряхина с Глебом за коллективное разложение...

Автобус тряхнуло на повороте, и Глеб выглянул в окошко. Начинаясь город.

Пять лет он не решался доехать от нефтегазави до конечной оста-

новки, на площадь Кирова. Танкер стоит под погрузкой не больше двенадцати часов, и Глебу казалось кошунством промчаться галопом по своему прошлому. Вдобавок радиста неохотно отпускают во время погрузки: диспетчер в Баку может «перенатреть» и на очередной связи переменить порт назначения. А сейчас впереди у Глеба шесть свободных суток! Морьяк в рейсах работает без выходных и без короткой субботы. Ему положено возместить их на берегу. На Каспии это почему-то торжественно именуется «отпустить в культури». У Глеба набегала целая неделя «культури». Конечно, не случись последней ссоры с Миакой, он провел бы эту неделю дома, в Баку...

— Мы разные! — крикнул он недавно в бешенстве. — Чужие! Подумай, пока не поздно!

Пусть теперь думает. Он тоже будет думать, и ему поможет Володя Пряхин. Володя и Светлана. Глеб вспомнил необыкновенное знакомство Пряхина со своей будущей женой и невольно улыбнулся...

...В то, его последнее лето в пустыне к лагерю в уч-таганских песках прикочевала экспедиция ленинградских ботаников. Они заняли две пустынных землянки, и утром перед Пряхиным и Глебом предстала девушка с желтыми волосами и глазами, полными гнева.

— У нас клопы!

— Бывает, — охотно согласился Пряхин и написал записку. — Ступай-те на склад.

Девушка прочитала записку и вспыхнула:

— Вы что, издеваетесь? Зачем нам целая бочка дуста?

— Иначе нельзя, — вздохнул Пряхин. — Меньше не отпускаем. Норма на буровой отряд.

— А вы не разыгрываете? — подозрительно покосилась желтоволосая. — Но одна я бочку не дотащу, а наши все в маршруте. Я собираюсь к их приходу продезинфицировать.

— Дезинфекция — святое дело, — согласился Пряхин. — Я в вашем распоряжении.

Он ушел с ней и пропал. На их свадьбе Глеб не был. Она состоялась глубокой осенью, когда он уже расстался с геологами и часами торчал на широких лестницах Каспийского пароходства в Баку, ожидая назначения на судно...

А не слишком ли опрометчиво он поступил тогда, уволившись из уч-таганской партии? Перевели Пряхина в трест, и сразу стало скучно. Володя увез большую часть библиотеки и лондонский телескоп, а новый начальник страдал хроническим насморком и перед сном раскладывал возле койки стопку носовых платков. Глеб затосковал, и его потянуло на море. Нет, горевать не следует! Его абсолютно не интересовали керны и обнажения. Его интересовал только Пряхин. Пряхин вовремя попался ему на дороге, и он многим обязан ему в жизни. Он заставил Глеба читать книги без единого шпiona, порой беспощадно ругал «жалким примитивом» и потрясал своей выдержкой. На танкере и не догадываются, что трубка и невозмутимость радиста Кольцова бессовестно взяты напрокат у нынешнего главного инженера геологического треста Владимира Григорьевича Пряхина...

...Глеб вышел из автобуса у гостиницы и прямо из номера позвонил в геотрест.

— Приемная главного инженера, — услышал он зауценную скороговорку.

«Ишь ты! Володькина секретарша!» Он ухмыльнулся и строго произнес:

— Владимира Григорьевича.

— Кто спрашивает?

— Кольцов.

— Из управления? — не сдавалась секретарша.

— Нет. Из жизни.

В трубке растерянно помолчали, и тут Глеб узнал голос Пряхина:

— Ах, бродяга! Где ты?

— Володька! — Глеб расстегнул зачем-то воротник ковбойки и заорал во все горло: — Я здесь! В городе! Я в гостинице!

— Спокойно! — оборвал его Пряхин. — В каком номере?
— Я снял «люкс»!
— Ну и дурак! В полпятого я у тебя буду.
«Обрадовался и обругал! Порядок!» Глеб по-мальчишески подпрыгнул на одной ноге...

Они шли не торопясь, слегка вразвалочку по главной улице, и Пряхин, посмеиваясь, ворчал:

— Выдали шизона! В землянке со мной он мог существовать, а трехкомнатная квартира его не устраивает. Ему «люкс» подавай!

— Да ладно! — лениво и радостно оправдывался Глеб. — Семья и чужой человек. Хлопотно...

— И давно чужой? А моя семья разве не при тебе началась?

Город изменился и одновременно остался прежним. Выросли новые дома, выросли из подростков и новые девушки. Глеб шагал рядом с Пряхиным, и будто не минуло пять лет, завтра они вавоем поедут в пески Уч-Тагана. Даже запутанные отношения с Милкой были словно впереди, в еще не прожитой им жизни...

У «Гастронома» Глеб остановился и подмигнул:

— Захватим ради встречи?

— Не мешало бы. Но... — Пряхин смущенно почесал за ухом. — Сегодня ночью Светлана прилетела из Ростова. Сына отвезила к родителям...

— Ну и что?

— Запрещает. Террор спиртного.

— И по единственной нельзя? — удивился Глеб.

— Нельзя! — жалобно скривился Пряхин и хлопнул Глеба по плечу. — А мы дернем! Вопреки женскому полу! Как в молодости!

В ресторане они выпили по рюмке коньяка, пожевали лимон, и Глеб сунул в зубы трубку. Пряхин повел носом, со вкусом втянул медовый аромат табака:

— «Золотое руно». Все в прошлом!

— Ты теперь и не куришь? — Глеб захохотал. — Крепенько тебя Светка воспитала!

Пряхин нахмурился и поспешно расплатился...

Дверь им открыла Светлана, и Глеб замер на пороге, не сразу узнав ее. За пять лет, тоненькая и легкая, она сильно располнела, но не рыхлой полнотой, грозной предвестницей старости, а просто ее девичья, складная фигура приобрела то, что в ней было заложено от природы, расцвела щедрой, статной женственностью. Вместо современных лохматых причесок на голове Светланы тяжелым венцом лежала золотистая коса, темно-голубые глаза влажно поблескивали, и вся она поразительно напоминала Глебу древнерусскую красавицу, боярскую дочь с увиденной где-то открытки. Не хватало лишь алого кокошника, усыпанного зернами жемчуга...

— Захлопни рот, — подтолкнул локтем Пряхин. — И поздоровайся с тетей, мальчик!

— Мне уже Володька звонил, — улыбаясь, протянула руку Светлана. — Рада тебя видеть!

Квартира была обставлена ярко, скупо и смело. Разноцветные обои на стенах — одна стена даже черная, с паутиной бронзовых прожилок, — новейшие торшеры с геометрическими колпаками и совсем немного светлой финской мебели, подчеркивающей простор комнат.

Глеб не без ехидства спросил:

— Это и называется «шик-модерн»?

— Это называется без затхлости и без клопов, — ответила Светлана.

— В Москву переедем со всем готовым. Пусть знают: провинциалы тоже не отстают.

— Ты нас кормить собираешься? — недовольно перебил Светлану Пряхин. — До Москвы далеко.

— По воздуху четыре часа! — отпаривала Светлана.

За обедом она не торопясь, с подробностями рассказывала про полет в Ростов.

— Твой наследник, Вова, абсолютно не признает приличного поведения. Взлетели, и он помчался по самолету к пилотской кабине, застучал кулаками в дверь.

— Вот стервец! — восхитился Пряхин и ловко мазнул горчицей кусок мяса.

Глеб сразу понял, что живут Пряхины в добром согласии и дружбе, у них настоящая, «взрослая», что ли, семья, а он, несмотря на штамп в паспорте, ни разу за год не обедал дома. Приходил с моря и мчался с Милкой в ресторан. А на завтрак покупались пельмени. Вот и попробуй сравнить его семью с семьей Пряхиных! Нет у него и права портить своими неурядицами настроение Володи и Светланы. Они оба сияют, с ними здесь третий не он, а сын. Глеб поставит их в неловкое положение, из вежливости начнут они выражать сочувствие, давать советы...

— Маме очень понравилась электрическая швейная машина, — продолжала Светлана. — Только сначала старуха заволновалась, все к счетчику бегала, много ли берет электроэнергии. Ты плохо ешь, Глеб!

Она оборвала неторопливое повествование и подложила ему маринированных помидоров.

— Ходят слухи: ты женат?

Он поскреб вилок тарелку и нехотя промямлил:

— В общем, да...

— Что значит, в общем? — Светлана внимательно посмотрела на него.

— У вас неладит?

Глеб вздрогнул и криво улыбнулся.

— Разве я похож на несчастного мужа?

— Но и счастливого не напоминаешь. Она тебе изменяет? Говорят, все жены моряков изменяют.

— И все жены геологов, — буркнул Глеб.

Его больно задел бесцеремонный вопрос Светланы. Она заметила это и миролюбиво дотронулась до его руки крупной ладонью:

— Не сердись, Глебушка. Бабы болтают, и я болтаю. Тоже баба. Не

обращай внимания. Мое правило — не вмешиваться. Со стороны мирить — обязательно развод. Проверено.

Она поднялась и понесла на кухню посуду. В длинном, до пола, плотно облегающем халате, Светлана не шла, а плавно пыла по паркету, вроде девушки из ансамбля «Березка».

— В полвосьмого «Полосатый рейс», — пронзительно скрипнул стулом Владимир Григорьевич. — Включай телевизор. Специально для тебя!

Глеб с недоумением уставился на Пряхина. Невероятно, но он забыл, что в комнате есть еще один человек, его старый друг...

Разбудил Глеба телефонный звонок. По привычке, приобретенной на корабле, он поднес к глазам мерцающий циферблат часов и засек время: два часа ночи.

Из темноты спялны Пряхиных он услышал хриплый, со сна, голос Владимира Григорьевича:

— Без паники! Сейчас выезжаю.

Что-то недобольно проворчала Светлана, щелкнул в коридоре выключатель, зажурчала в ванной вода. Глеб нарочито громко кашлянул, и в комнату просунулась голова Пряхина.

— Потревожили? Виноват. На шестнадцатой скважине фонтан нефти ударила. Для журналистов сенсация, для меня авария. К утру вернусь...

Лампочка в коридоре погасла, прошлепала босыми ногами Светлана, и до Глеба донесся торопливый поцелуй.

— В пакете бутерброды и кефир. Не забудь позавтракать.

«Хлопотливая должность главного инженера! В кабинете не засидишься!» — с уважением подумал Глеб о Пряхине и повернулся на правый бок, поудобнее взбил подушку.

— У тебя есть спички?

Светлана стояла возле его тахты и с легким треском мяла пальцами сигарету. Она была в одной ночной рубашке, ее голые покатые плечи мягко и тепло светились от неяркой луны, темным ливнем падала на грудь расплетенная коса.

— Дай спички! — сердито повторила Светлана.

Глеб опомнился и, стараясь не смотреть в ее сторону, нашарил на стуле брюки, достал из кармана коробок. Спичка сухо чиркнула, она закурила и присела на край тахты. Глеб незаметно отодвинулся к стенке, с трудом сдержал нервное и недоброе дыхание.

— Вот так и существуем, Глебушка, — грустно сказала Светлана. — Ни днем покоя, ни ночью. Видишь: ему курить запретила, а сама дымаю подпольно. Нервы...

«Она меня и за мужика не считает!» — догадался Глеб. — Ей просто поделиться охота!»

Он не обиделся — все стало легко и понятно. У Светланы, оказывается, тоже есть свои горести, и, пожалуй, именно она поймет его.

Он приподнялся на локте, отыскал трубку и категорически заявил:

— Правильно существуете. Позавидовать можно...

Все скопившееся за последнее время в его душе неожиданно прорвалось наружу. Он бестолково, перебивая сам себя, начал рассказывать, как весьма просто познакомился с Милкой на танцах, как перед этим знакомством получил он комнату в тринадцать метров и взвыл от одиночества. Милка — чертежница. Десять классов образования и двадцать один год от роду. Он на восемь лет старше — возможно, потому и неразбериха?

— Мое полное имя — Людмила, — сообщила она ему. — Но зовите Милкой. Людмила мне по комплекции не подходит.

И верно: она до сих пор дома вместо халата надевает старенькую школьную форму, и ничего, нигде ей не жмет.

Отец у Милки погиб на войне, мать недавно умерла, и жила она у тетки. Тетка при расставании для порядка всплакнула и преподнесла в качестве приданого сломанный электрический утюг. Перед свадьбой он целый день ремонтировал этот проклятый инструмент домашнего обихода, чтобы она успела выгладить новое платье...

У них получилось два медовых месяца. Он взял отпуск, вдобавок набегали «культдни». А может, виноваты «культдни»? За два месяца Милка привыкла не расставаться с Глебом; она искренне изумилась, когда он сложил в чемодан белье и собрался в рейс.

— Ты надолго?

— Не знаю. Зависит от диспетчера.

Она зашалакала и всхлипывала до самого утра...

Он ушел в море. Если рейс намечался с заходом в Баку, он посылал ей радиogramму из двух слов: «Люблю. Буду». Она обязательно ждала его в чисто прибранной комнате, в платье, в котором справляли свадьбу.

Как-то ребята на танкере подызвали:

— Попробуй без радиogramмы. Проверь.

И проверил. В девять вечера он приехал из порта на такси и не застал ее дома. Соседка пожалала плечами: «Она часто отлучается». Он зашел в «Гастроном» и купил бутылку водки. Милка появилась около одиннадцати, и прямо на пороге он хлестнул ее по щеке. Она пошатнулась, но не вскрикнула, ее левая бровь изумленно дернулась кверху:

— Ты пьяный? Ляг, поспи...

Он тупо подчинился, и разбудила она его за сорок минут до отхода танкера.

— Читай! — показала она ему картонную книжечку. — Я поступила в техникум. На вечернее отделение при судоремонтном заводе. Занятия по понедельникам, средам и пятницам.

Голова у него разламывалась, но картонная книжечка в руках Милки выглядела спасением; ребята на танкере — дураки и завистники, соседка — сплетница, в мире все вернулось на свои места. Жгучий стыд за вчерашнее породил злость на самого себя, однако попросить прощения показалось унижительным, и он мрачно фыркнул:

— Выискался академик Крылов!

— Да. — Милка виновато потупилась. — Я знаю, из меня ничего не выйдет. Я вряд ли и экзамены сдам. Я ради тебя...

— Ради меня?

Рисунки В. ЮДИНА.

— Да... Понимаешь, тебя увозят корабля. Я должна полюбить корабль, понимаешь?

Он не очень понял. Просто почувствовал теплый прилив нежности к этой худенькой девочке-женщине...

...Все вроде у них наладилось. Конечно, он не возражал против ее учебы. Пускай грызет гранит науки: теперь без образования пропадешь...

Началась новая ерунда. Стоило ему добраться до дома, и Милка весело докладывала:

— У нас на курсе есть Сережа. У него черные брови и вот такие плечи!
— Я твоему Сереже ноги переломлю. Предупреди!

Она бросалась к нему на шею, чернобровый Сережа пропал в мироздании, а в следующий раз ему опять приходилось выслушивать:

— Остерегайся! Гуссейн собирается меня украсть. У него свой «Москвич»!

— Зачем мне все это знать? — жалобно взмолился он однажды. — Ей-богу, я не испытываю удовольствия!

— А я сравниваю тебя с ними, — немедленно ответила Милка.

— Что я, эталон?

— Точно! — Она обрадовалась и захлопала в ладоши. — Как килограмм в Париже! В палате мер и весов! Под колпаком!

— Ты когда-нибудь повзрослеешь? — Он посмотрел на нее с сожалением. — Мне жена нужна, а не десятиклассница...

Информация о Гуссейнах и Сережах прекратилась навсегда. А на душе стало хуже. В каюте по ночам он бил кулаками по подушке и мучился от ревности и неизвестности. Милка молчит, и молчит упорно. Может, все-таки нашелся лучший «эталон»? «Эталон», что не болтается неделями в море и всегда рядом...

Но верить он не переставал: слишком широко и спокойно были при встречах распахнуты ее глаза...

А три дня назад случилось непоправимое. После штормового рейса, вконец измотанный, он примчался домой, имея в запасе всего полтора часа, и застал любопытное зрелище. Двое парней и его жена на коленях ползали по полу среди бумажек и цветных пузырьков туши.

— Мы стенгазету... — поднялась навстречу Милка.

Он стоял и молчал. Его душила ярость: «У меня полтора часа, а она стенгазету!»

Продолговатые бумажные листы, фотографии и рисунки закрывали весь пол, вся его жилаплощадь была занята — от тахты до стены. Занята обстоятельно и деловито...

Он криво усмехнулся и так же, не произнося ни слова, пошел обратно к дверям. Под ноги случайно подвернулся пузырек красной туши, и алый ручеек побежал по рукописным страницам.

Глеб даже не взглянул на побледневшие лица ребят и не извинился. Боялся, что не сдержится, вспыхнет скандал...

Милка выбежала за ним, и здесь он заявил: пусть она подумает, они разные люди...

Странное дело: спускаясь по лестнице, он обругал про себя мальчишек, что ни один из них не съездил ему по морде за его хамство...

...Светлана выслушала путаную исповедь Глеба внимательно и не поженски терпеливо. Она не переспрашивала и не комментировала. Время от времени только ярче разгорался в темноте красный огонек уже третьей сигареты.

— Ребенка вам надо, Глебушка, — вздохнула она. — Дети связывают. Глеб зажег погасшую трубку и невесело пошутил:

— Перспективное предложение: «Хочу счастья, свяжите меня!»

— Ну, я неточно выразилась. Дети, если тебе угодно, взростят родителей, одной лирикой их не накормишь. Семья — это трудно. Женщин-инженеров у нас пруд пруди, баб-летчиц не пересчитаешь, кажется, имеется даже один капитан дальнего плавания в юбке. А где взять жен? Просто жен для мужей? Институты их пока не выпускают.

Она прошла по комнате, прошелестела шелком ночной рубашки, ткнула сигарету в пепельницу и с усмешкой похлопала по крышке секретера.

— Тут мой диллом. Бывшие однокурсники ахают: «Ты не работаешь? У тебя же призвание к ботанике!» А у меня есть призвание! Самое благодарное и нужное призвание на свете: жена.

Она махнула рукой.

— Заболталась я! Заказывай на завтра обед. Тебе все равно? Спокойной ночи!

Глеб долго лежал с открытыми глазами. Светлана не помогла. Да и вряд ли по-настоящему поняла его исповедь. Обвинять ее нельзя. Она посвятила себя Володьке, и правильно! Володька — выдающийся инженер, будет профессором, не исключено — и академиком. А у академиков, как известно, жены не работают. Другая у нее жизнь, другие, непохожие заботы. Удивительно только, почему она ни разу не произнесла слово «любовь»?

Раньше Глеб и не предполагал, что торговаться можно весело. Прякин к утру не приехал, и от нечего делать он увязался за Светланой на рынок.

Светлану здесь знали почти все продавцы, и она перебрасывалась с ними ядовитыми шутками.

ЗАМОК ИФ...

«Дорогая редакция! В «Графе Монте-Кристо» А. Дюма описал «мрачный замок Иф». Интересно, был ли в самом деле такой замок или Иф — вымысел?»
Письма с весьма необычными вопросами все чаще и чаще приходят в «Смену». С рассказа о замке Иф, о котором спрашивает москвичка А. Колесникова, мы начинаем публиковать ответы любознательным читателям.

Вот она взяла двумя пальцами обрезок жилистого, голубоватого мяса и спросила, широко улыбаясь:

— Когда меня в гости позовешь, Ахмет?
— Мой дом — твой дом, хозяйка! — осклабился смуглолицый Ахмет.
— И будешь меня таким мясом угощать?
— Зачем таким? — вскрикнул Ахмет и спохватился: — Хорошее мясо, хозяйка! Уже двадцать пять килограмм продал!

— Дуракам! — Светлана брезгливо бросила обрезок, вытерла носовым платком пальцы. — А еще правоверный мусульманин! Аллах все видит!
С продавцом картофеля, обладателем запорожских усов и сизого носа, беседа протекала иначе.

— Сергей Сергеевич, вы в коммунизм верите?
— Стремимся, — пронырым баском ответил Сергей Сергеевич и для солидности покручивал кончик уса.

— Ой, боюсь, вас не пустят! Дороговато картошечку цените. Спекуляцией похаживает!

Глеб заметил, что продавцы при приближении Светланы начинали нервничать, бесцельно переставляли гири на медных чашках весов, со звоном чистили ножи, но не обижались на нее, смотрели с уважением, даже с опаской.

Несколько раз Глеб пытался вытащить деньги и заплатить.

— Не торопись. Рассчитаемся, — категорически запретила Светлана. На обратном пути, пригибаясь под тяжестью двух длинных хозяйственных сумок, Глеб сделал открытие: веселая торговая была для Светланы ответственной и утомительной работой. Ее глаза лихорадочно блеснули, на щеках проступили беловатые пятна, и, переводя дыхание, она вырвалась:

— Жуль! Каждый норовит обмануть! И не стесняется!
Глеб промолчал. Вырвалась она правильно, но ему почему-то стало неприятно за злой голос Светланы.

Дома Светлана за двадцать минут разделалась с подготовкой обеда, отрегулировала огонь на конфорках и села за письменный стол.

— Теперь можно отдохнуть. Обещала к вечеру Володьке статью перевести из английского журнала.

Глеб всегда испытывал трепетное восхищение перед людьми, знающими иностранные языки. Он всех их считал талантами от рождения, вроде музыкантов или поэтов.

— Ты запросто с английским?
— А! — Светлана усмехнулась. — Грубая работа! Без малейшего признака литературного стиля. Володьке главное — смысл.

Она поудобнее устроилась на стуле и бойко застучала на пишущей машинке.

Глеб взял газеты, растянулся на тахте в соседней комнате.
«Какая она разная! — подумал он о Светлане. — Наш ночной разговор, рынок и английская статья! Тому усатому дядьке рассказать — не поверит. Ладно! Поживу, наберусь опыта!»

Нервный треск машинки странным образом убаюкивал, и Глеб задремал, газеты отутились на полу. Сквозь дремоту он слышал, как Светлана разговаривала с геотрестом, спраивалась о Пряжине, потом опять стучала по клавишам, выходила на кухню, звякала кастрюлями. Он уже начинал засыпать всерьез, но она разбудила его веселым воплем:

— Полундра! Хватит валяться! Разжирелся!
Коса-корова на ее голове слегка разлохматилась, обволокла тонкими золотистыми пушинками, рукава халата были закатаны до локтей, и Глеб прищелкнул языком:

— Ты работяга! Я сейчас тоже делом займусь. Сбегаю за пивом. Володька, правда, сообщила: ты враг спиртного. Но пиво можно?

— Вполне! — улыбулась Светлана. — Только мне еще самой в магазин надо. Давай деньги. За пиво и за остальное. Ты к нам на шесть дней? Так? Ну и пусть будет по тарифу: по два шестьдесят в сутки.

Глеб лежал не шевелясь. Самое удивительное, что вокруг ничего не случилось. Под потолоком по-прежнему висела люстра, не сдвинулась с места тахта, бойко шипел на кухне суп и голубы, с влажничкой глаза Светланы безмятежно и добродушно сияли.

— Если не при деньгах, обойдемся.

Он встал и, плохо веря в реальность происходящего, приказал себе: «Тихо. Только тихо!» Но металлическая змейка на кошельке, будто на зло, заела, не желала раскрываться. Он рванул ее прямо с мясом, вытащил скомканные деньги, еле сдерживая дрожь в пальцах, выложил их на прозрачный журнальный столик.

— Вот. Пожалуйста...

Светлана заметила его волнение, чуть побледнела, что-то тревожное, вроде сомнения промелькнуло в ее взгляде, но деньги она взяла, сказала виновато:

— Хозяйство, Глебушка. Семейный бюджет...
— Да, да... — пробормотал он, глядя мимо нее в окно.

Растерянность пропала, и вдруг оказалось, что ему на Светлану в высшей степени наплевать, нет до нее никакого дела.

В душе всхлинул страх: а Володька знает, что у него гостят за деньги, или нет?

«Я ведь без чемодана!» — с радостью вспомнил он и очень спокойно провизнес:

— Я прогуляюсь.
— Не опаздывай к обеду! Пивом обеспечу.

Он скрикнул зубами и выдвинул подобие улыбки.

На улице страх вернулся. Неужели Володька знает? Неужели с его ведома? Остаться и выяснить? Если знает, пропала дружба. Если не знает, все равно скандал, сплетня и тоже всему конец...

По воспаленному лицу Глеба ударила тугая, прохладный ветерок. Он принюхал запах морской соли, и Глеб поднял голову, отыскал в бухте силуэты знакомых кораблей. Сегодня береговой бриз переменял направление. Случай редкий для здешних мест, и верный признак свежей погоды.

Глебу пора домой, в море, к Мишке...
Он заспешил к порту и лишь на секунду передернулся: «А я не струсил? Может, стоило подождать Пряжина?»

Он действительно существует. И расположен на острове с тем же именем. Остров этот невелик: всего 290 метров в длину и 168 метров в ширину. В XV веке здесь располагался дом для охотников, прилегаемых обилием дичи. А в 1524 году первый камень в строительство государственной тюрьмы торжественно заложил король Франциск I.

Недолгий путь от Марселя до острова. И вот уже видна башня замка с висячим мостом.

В центре крепости находится небольшой четырехугольный двор, дающий немного воздуха и света 17 темницам. В двух темницах Александр Дюма и поселил главных персонажей своей известной книги — Эдмонда Дантеса и аббата Фариа. Считают, что Эдмонд Дантес являлся лицом, целиком вымышленным, что же касается аббата Фариа, то о нем некоторые источники сообщают интересные подробности. Полагают, что в 1811 году он был выслан из Рима по приказу папы. Выходец из португальских владений в Индии, он жил в Португалии, Италии и Франции. Одно время в Париже увлекался его гипнотическими сеансами. На острове для аббата Фариа была отведена камера «А». В камеру «Б» Александр Дюма «поселил» Эдмонда Дантеса.

Двенадцать темниц расположены на втором этаже. Здесь томилось немало людей, посаженных в тюрьму без суда и следствия. В длинных списках заключенных встречается имя марсельского востра Жана Поля, находившегося в заключении тридцать один год, парикмахера Жана Шове, известного французского оратора Мирабо. После поражения Парижской коммуны здесь было заключено более пятисот человек, в том числе руководитель Марсельской коммуны Гастон Кремье. В начале XX века крепость переоборудовали под военные казармы. А во время первой мировой войны на острове вновь появились арестованные. Сюда попадали немецкие и австрийские военнопленные, а также французские солдаты, направленные в африканские штрафные батальоны.

С декабря 1942 года по 1944 год на острове хозяйничали немецко-фашистские оккупанты. В нескольких местах они разрушили крепостную стену, ница каменные-то сказочные сокровища. В это же время был разрушен и маяк.

Ежедневно остров посещают большие группы туристов. Его осмотр продолжается 30—40 минут. Сопровождающий гид сообщает ряд любопытных историй. В частности, вспоминает своего

Сегодня в каменном мешке «заточены» лишь дощечки с сообщениями о бывших обитателях камер.

«Страшный замок» по-своему красив, если смотреть на него со стороны Марсельской набережной...

Единственный постоянный житель, которому на острове не бывает скучно.

Внутренний двор замка.

предшественника Грассона, талантливого рассказчика и чревоушателя, имитировавшего разговор с заключенными, якобы забытыми в темницах.

Занятной была встреча Грассона с А. Дюма, которому он показывал достопримечательности острова, и в том числе известную дыру в стене, через которую сообщались Эдмонд Дантес и аббат Фариа.

— Все это было описано в известном романе господина Дюма, — закончил Грассон.

— А вы знакомы с Дюма? — спросил писатель.

— Еще бы! Это мой друг! — Он очень признателен вам за это, — сказал Дюма, пожимая гиду руку.

К концу лета палящее солнце выжигает на острове почти всю траву. Редко сюда залетают птицы. Для них здесь нет пищи. Обитает на острове лишь одинокий кот, который с акробати-

ческой ловкостью ловит греющихся на камнях ящериц. Они то и составляют важную часть его суточного рациона.

У основания крепостных стен и на башнях установлены специальные фонари для освещения острова ночью. Основная цель освещения — создание сназочного впечатления от замка, хорошо видимого с марсельской набережной. В туманные ночи желто-оранжевый цвет острова служит хорошим ориентиром для проходящих судов.

Почти каждый, кто побывал на острове, покидает его в несколько подавленном настроении, навевшем мрачными, сырными казематами, давящими крепостными стенами и страшными историями многих сотен заключенных.

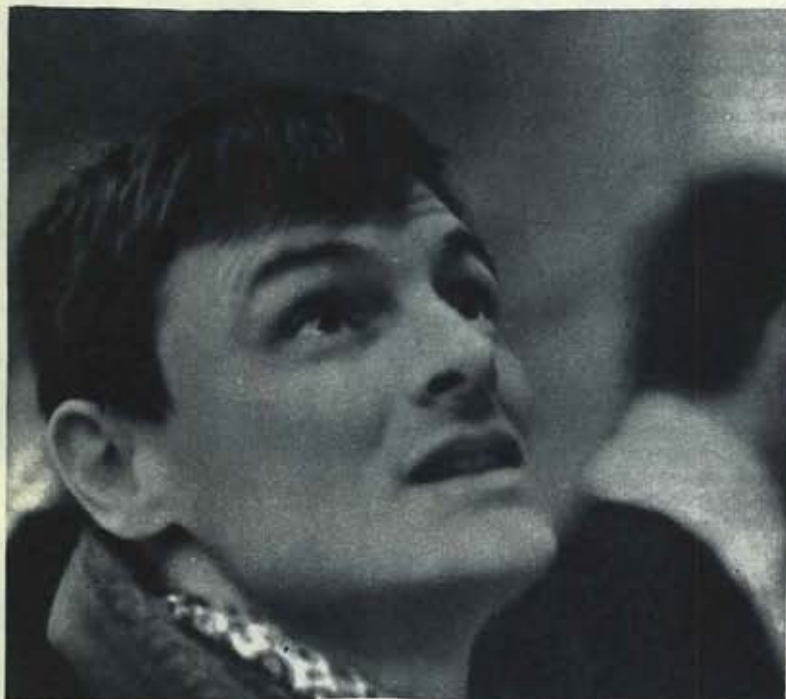
Г. КУЛЬЧИЦКИЯ

Фото автора.

«А как доставляли в замок узников?» — таков первый вопрос, который задают туристы, отправляясь на остров в комфортабельном катере...

ПРЕЛЮДИЯ

Сентябрьская пресса прошлого года сообщила о новой победе международного класса, которую одержало наше киноискусство. Фильм молодого советского режиссера Андрея Тарковского «Иваново детство» был награжден главной премией XXIII Венецианского фестиваля — Золотым львом.

Новоиспеченного лауреата дружно интервьюировали. Различные печатные органы щедро дарили ему свои страницы (см. «Литературную газету», «Известия», журналы «Огонек», «Советский экран», а также — для владеющих иностранными языками — польский журнал «Екран», газету «Unita»).

Многомиллионный подписчик узнал, что: возраст Тарковского — 30 лет (по мнению некоторых журналистов, — 27); до «Иванова детства» сделал короткометражный фильм «Каток и скрипка»; еще раньше окончил ВГИК; «в настоящее время» работает над сценарием об Андрее Рублеве (вместе с А. Кончаловским) и независимо от этого «мечтает» поставить фильм на современную тему. Если учесть также, что у Тарковского, как у всякого начинающего художника, «все впереди» и что в связи с этим обстоятельством он «полон творческих

замыслов», картина получается ясная. И будто бы исчерпывающая, не так ли?

И все же я решаюсь просить вашего внимания, читатель. Из пролога фильма об Андрее Рублеве:

«...Прислонившись спиной к стене, молча сидит Андрей Рублев.

До него доносятся обрывки разговоров, пение ветра под соломенной застрехой, шорох ветвей, дробный стук копыт в конюшне с бревенчатым настилом, визг ласточек в вечернем небе, иступленный и восторженный.

Глаза его полны мучительного недоумения, как у человека, который неожиданно лишился дара речи в тот момент, когда он собирался сказать что-то очень важное, необходимое всем, кто его мог услышать.

С грустной пытливостью и обидой прислушивается Андрей к окружающему его многоголосому миру и думает... думает...

...По монастырскому двору вдоль нескончаемой белокаменной стены бежит потный и всклокоченный мужик. Под мышкой у него деревянные крылья. Мужика преследует разношерстная взбешенная толпа — мужики, дети, бабы, монахи. Они кричат и бросают в него камни.

Мужик, не оглядываясь, бежит

в сторону собора, расположенного в глубине выложенного каменными плитами двора.

...Густо гремят и перекатываются внизу, в соборе, голоса преследователей...

...Мужик уже на самом веру колокольни. Он торопливо надевает крылья, лихорадочно прилаживает их за спиной особыми лямками и влезает на дребезжащую под его тяжестью решетку ограды.

Внизу беснуется враждебная толпа. Сотни людей, сотни орущих глоток, вопли, ругань.

Мужик расправляет крылья и, оттолкнувшись, прыгает с колокольни вниз.

Толпа ахает, замирает и в ужасе раздается на две части, образуя проход, над которым летит человек.

Он летит над землей, как ангел.

...Он видит свою землю, на которой родился и умрет, такой, какой ее никто до него не видел, да и вряд ли скоро увидит.

Крылатый мужик скрывается за лесом.

Потрясенные люди встают на колени, ибо очевидна и безмерна святость улетающего по небу человека.

Ломая крылья, руки и сучья, мужик падает сквозь сияющую белизной березовую рощу вниз и, ударившись о землю, умирает, опрокинув улыбающееся окровавленное лицо с шальными глазами, в которых остекленело вечернее небо.

А в глубине березовой рощи появляется черная лошадь.

Идут титры в то время, как аппарат панорамирует по белым стволам.

И снова черная лошадь, но уже совсем рядом. Она вздрагивает ноздрями, косит глазом и тихо ржет, испуганная видом мертвого человека».

Фильма этого, как известно, еще нет. В то, что он будет, я верю вместе с режиссером.

Немного документальности: «...Старшие товарищи говорят нам, молодым: будьте скромнее, скромнее, еще раз скромнее! Мы стараемся выполнять их совет. Мы за то, чтобы быть скромными. Но только до тех пор, пока это не затрагивает наших творческих планов и интересов. Здесь мы не собираемся уступать и будем добиваться своего». (Из выступления А. Тарковского на вечере в Доме кино, посвященном итогам XXIII Венецианского фестиваля).

Аплодисменты, сопровождавшие вышеприведенные слова, не перешли в овацию по одной простой причине: есть скептики, и их немало. Одним не нравится «Иваново детство», другим — сам Тарковский, третьим — то, что он делает фильм о Рублеве (почему о Рублеве, а не о Крамском? И что за самонадеянность! Мальчишка — что он может понимать в XV веке? Вот увидите, будет стыд и кошмар).

Существование скептиков само по себе естественно: в искусство не заставишь верить директивой, бесспорные явления здесь редки, и абсолютную ценность прекрасного выявляет чаще всего только время.

Меня не удивляет яростная убежденность Тарковского в правомерности того, что он делает, — вера, видимо, правит каждым художником, творящим искренне.

Меня занимает вопрос, которым козыряют все скептики: откуда? Откуда ему ведомо такое: самосгорание — муки отречения — горечь познания? И как он может проникнуть в душу человека по имени Андрей Рублев, замкнутого для нас в строгие доски икон, которые — само олицетворение древнего мудрого времени, бездонного в тайне своей! Откуда?

В который раз я пытаюсь понять это, встречая на киностудии, на улице, на просмотрах, в кафе, на собраниях художца, с мальчишеским ежиком волос молодого человека по имени Андрей Тарковский. Слушаю дерзкий, увлеченный разговор. Наблюдаю узкое, подвижное лицо, самоуверенные и наивные глаза, нервные, порывистые движения. С радостью убеждаюсь, что этот вопрос не напрасен: каждый раз я заново чувствую, как неизменно и чисто бьется в нем это — то, что сильнее будничной прозы, рабочих трудностей, плохой погоды, мимолетных обид и тысячи случайностей и мелочей, из которых, к сожалению, зачастую складывается жизнь.

Творческое начало ощущается в Тарковском как непрерывно происходящая реакция, как наиболее заметная черта характера, как строй личности, глубоко индивидуальный.

Человек может так много, что сам порою дивится своему умению и могуществу. Он расщепляет ядро атома, проникает в космос, открывает новые законы. И только одно не подвластно расщеплению разумом — это творчество, удивительное в своей неразложимой тайне. И сколько бы ни бились мудрые мыслители над объяснением природы таланта, над анализом личности художника, каждая встреча с настоящим искусством — это прежде всего чудо.

Таким чудом было для меня появление «Иванова детства». И рождение с ним нового режиссера в советском киноискусстве — Андрея Тарковского.

Улеглись первые впечатления, слышались критические споры и дискуссии, ясно, в чем фильм несовершенен и в чем силен. И главное сейчас уже не в самом «Ивановом детстве». Интересно и волнующе развитие таланта, которое нам предстоит наблюдать. Поэтому все, что было сделано (и сказано), — лишь прелюдия к будущему, еще не свершенному.

Автомобиль - самопогрузчик

Трудно представить себе погрузку автомашин тяжеловесными грузами без крановых приспособлений.

Но посмотрите на снимок.

Машина подъехала к упаковочному станку. Платформа кузова автоматически наклонилась, и тяжеловесный груз с помощью специальной тросовой лебедки с удивительной легкостью погрузился в кузов, а затем с такой же легкостью выгрузился.

В чем же секрет?

Оказывается, новый кузов изготовлен в виде цельнометаллической платформы с откидывающимся задним бортом и необычным полом — рольгангом, состоящим из нескольких секций вращающихся роликов. С помощью системы гидромеханизмов платформа кузова может легко наклоняться под углом в тридцать градусов, а тяговое усилие лебедки позволяет свободно грузить ящики весом свыше шести тонн. Оригинальную новинку изготовил коллектив инженеров и рабочих автобазы № 9 Главмосавтотранса.

ПЕРВЫЙ Музей хлеба открылся в 1960 году в Западной Германии. Собранные со всех концов света две тысячи экспонатов (хлеб, открытый в погребениях, древнейшие ножи для резки, а также предметы, связанные с выпечкой хлеба) рассказывают о девятитысячелетней истории существования самого необходимого продукта питания человека.

СЕГОДНЯ немногочисленный населенный пункт в Европе — французская деревенька Эскаланьон в Альпах. Жителей тут всего семь. Самая старая жительница Эскаланьона совмещает три должности: старосты, учительницы и почтальона.

СЕГОДНЯ древний музей мира находится в японском городе Нара. Он был основан в 756 году и содержит единственную в своем роде экспозицию по живописи, скульптуре и прикладному искусству, охватывающую около 12 веков.

СЕГОДНЯ древней мерой длины считается локоть. Древний земледelec в поисках меры длины остановился на зерне ячменя. Шесть выложенных по прямой одно к другому зерен ячменя и составили один «арабский» локоть. У древних египтян один локоть был равен 192 зернам. Таким образом, мера длины, встречающаяся у всех европейских народов, которые переняли ее у арабов и египтян, идет не от локтя, а от зерен ячменя.

САМЫЙ необычный вид меда встречается в Южной Америке. Его производят пчелы, собирающие нектар с цветов кофейного дерева.

САМЫЕ «долголетние» пчелы появляются на свет осенью: они доживают до мая следующего года, а некоторые из них достигают предельного для пчел возраста — десяти месяцев.

Продолжительность жизни пчелы зависит от того, когда она родилась. Июньские пчелы живут 48 дней, июльские — всего 20 дней.

САМЫЙ древний салат был известен как ушанье еще за тысячу лет до нашей эры в Малой Азии. Он был излюбленным блюдом персидских сатрапов, китайцев, римлян, жителей Карфагена.

Как отмечает греческий историк Геродот, салат любили и древние греки. Та часть Европы, которая не входила в состав Римской империи, познакомилась с салатом «немного» позднее. Его «открыли» в XVI веке европейские ученые при изучении трудов средневековых естествоиспытателей.

СЕГОДНЯ редкая дисциплина преподается в сельскохозяйственных школах Голландии — «тюльпанология». В течение трех лет будущих «тюльпанологов» учат практически и теоретически выращивать красивые цветы.

СЕГОДНЯ необычные шахматы производятся в Западной Германии. Головки фигур и клетки доски покрыты разного цвета фосфоресцирующими веществами. Таким образом, в шахматы можно играть даже в темноте.

САМЫЙ необычный маяк существует в Сальвадоре. Это вулкан Итсалько. Каждые десять минут из его кратера вырывается гигантский столб дыма, и в море стекает раскаленная лава. От взаимодействия лавы с водой образуется пар, который виден с расстояния в несколько десятков миль. Вулкан служит великолепным естественным ориентиром проходящим кораблям.

СЕГОДНЯ первые небоскребы высотой в двадцать пять этажей были построены еще древними майя. В Северной Гватемале найдены развалины гигантских храмов, относящихся к третьему — девятому векам нашей эры.

СЕГОДНЯ «мертвым» является не Мертвое море, а Озеро смерти в Сицилии. На его берегах отсутствует растительность, а всякое живое существо в воде озера настигает мгновенная смерть. Со дна озера бьют два источника сильно концентрированной кислоты. Они-то и отравляют воду.

РАДИОУЗЕЛ НА ПОЛУПРОВОДНИКАХ

Этот миниатюрный электронный аппарат — новый колхозный радиотрансляционный узел «КРУ-40М».

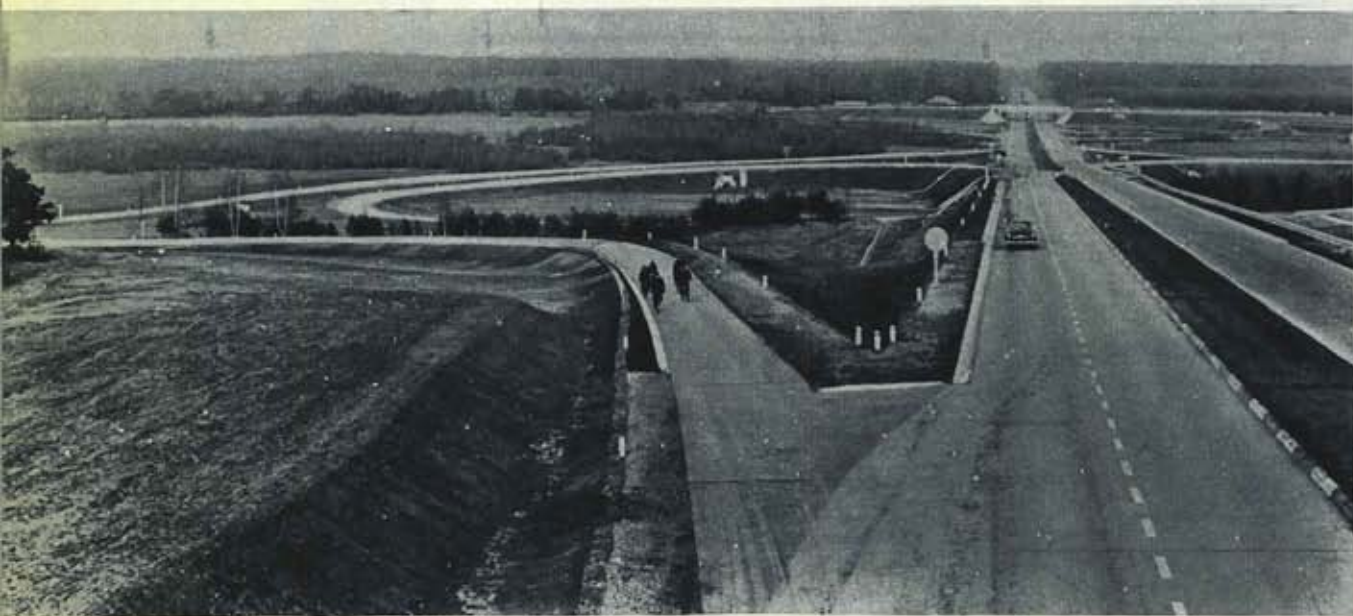
Он собран целиком на полупроводниковых приборах и, несмотря на свои небольшие размеры, может обеспечить качественную работу до 250 абонентных громкоговорителей.

Интересная особенность радиозула-малютки состоит в том, что он бесперебойно работает в горных или отдаленных районах Севера, куда еще не дошли линии электропередач.

Питание установки осуществляется от небольшой аккумуляторной батареи, которая периодически подзаряжается от миниатюрного ветрового двигателя.

Скоро новый радиозузел поступит в серийное производство.

МОСКВА СЛЕВА

109 километров — длина самой большой московской улицы. И нигде ни одного пересечения.

Если ехать по одной стороне улицы, город будет справа. Если же по другой, отделенной полосой газона, — слева. И так сколько бы ни ехал: хоть час, хоть сутки. Потому что эта улица без начала и без конца. Она граница Москвы. Она кольцо. Несколько месяцев назад строители заменили его. Московская кольцевая магистраль начала свою службу людям.

Еще точно не подсчитано, сколько времени сэкономят водители, пользуясь кольцом, а не продираясь через сумятицу столичных транспортных потоков. Еще не названы цифры, говорящие об экономии бензина или шин. Может, никогда и не подсчитают, как сократится расход нервной энергии шоферов. Кольцо поможет сделать и то, и другое, и третье — это точно.

Редакционная машина мчит.

МОСКВА СПРАВА

ся по бетонным плитам. Дорога выводит ее на холмы, спускает в ложбины, пронесит по эстакадам, прежде чем окунуть в зимний сумрак подмосковных лесов.

В зоне пересечения с Минским шоссе (именно в «зоне», ибо кольцевая магистраль нигде и ни с чем не пересекается) первое сооружение — гостиница для автомобилистов, мотель. Сама гостиница — будто московская «Юность», перенесенная в загородную тишину. Здесь же станция профилактического осмотра автомобилей, где найдут приют не только туристские «Волги» и «Москвичи», но и труженики дорог — «МАЗы», «ГАЗы», «ЗИЛы». И, конечно, заправочные колонки, где можно получить не только любое топливо, но и мелкие запчасти. Когда журнал с этой корреспонденцией выйдет в свет, первые гости переступят порог мотеля, а первые машины минуют ворота механических моек и ремонтных боксов.

Пройдет еще немного времени...

Мотели появятся на «стыках» со всеми шоссе, ведущими в столицу. Здесь, видимо, возникнут автовокзалы для междугородных (а может, и международных!) автобусов. Здесь же появятся универсальные магазины — зачем ехать за покупками в центр?

Кольцо создано, чтобы помочь людям в труде. Кольцо должно помочь им и в отдыхе. Поезжайте по новой дороге! Вы увидите, как живописны Лосино-островский заповедник, зеленые массивы между Ярославским и Щелковским шоссе, лесопарк неподалеку от Кузьминок.

Здесь должны быть туристские базы. И тогда зимой в уютных домиках можно будет переночевать, чтобы поутру, получив напрокат лыжное снаряжение, отправиться на прогулку по лесу. Летом на тех же базах вас снабдят всем необходимым для туризма — от концентрированного, в таблетках, прованта до байдарок и палаток.

Пройдет немного времени... Юлию Владимировичу Ронинскому, автору проекта первого мотеля, мы задали вопрос:

— А каким представляется вам будущее кольца?

Вместо ответа он сделал вот эти рисунки.

В зоне пересечения с Минским шоссе строители заканчивают сооружение первого мотеля.

Ньютоново яблоко

Вспомните хорошо историю — и вы увидите, что все большие и малые открытия подсказал причудливый случай. Что бы, скажем, было с законом всемирного тяготения, не упал перед Ньютоном яблоко с дерева? Насколько меньше было бы у школьников двоен по физике, не выплеснулись когда-то у Архимеда вода из ванны!

Правда, Иван Никанорович Смышляев не прославленный механик и астроном и не преемник великого старца из Сиракуз. Он всего-навсего рядовой работник торговой сети. Поле его деятельности — прилавок книжного киоска в учреждении. Его мысли заняты не обращением планет во вселенной, а торговым оборотом. Но еще не известно, где проблемы сложнее и кто сделал больший вклад в сокращении науки — Архимед, Ньютон или Иван Никанорович.

Во вселенной все просто, все вершится по гармоническим законам. Как ни бродит в космической тьме Марсы и Венеры, но в определенное время в назначенной точке закружат свои орбиты. А в торговле один закон — план. Попробуйте понадейтесь, что он сам собой придет и круглому стопроцентному показателю. Сведите концы с концами между молотом и наковальней — между книжной базой и читателем! База снижает киоски по закону «Бери валом, потом разберем!»: стопочка ходовых книг и штабель «соловьев», что месяцами поют песни на прилавке. Вот, к примеру, лежит у Ивана Никаноровича целая поленица увесистых томов ценой в рубль восемьдесят. За три месяца он не продал ни одного экземпляра. И книга лежит на видном месте, и предлагал ее Иван Никанорович чуть не каждому — нет! Посмотрят, перелистают и кладут обратно.

— Абракадабра какая-то!
Иван Никанорович и сам стал звать этот залежалый шедевр «Абракадаброй». Но что сделаешь,

у покупателей свои требования! Покупателю дай книгу поинтереснее, покрасивее, подешевле. А есть среди них, покупателей, и такие, что не поймешь, какого рожна им нужно. Поддай обязательно что-нибудь особенное, модное, чем торгуют из-под полы книжные жучки.

Один из таких покупателей, сотрудник бухгалтерии Дуплетов, и натолкнул Ивана Никаноровича на его открытие. Подошел к киоску, как всегда, с шумом, с улыбками и подмигиванием и начал тянуть из Ивана Никаноровича душу:

— Пламенный привет деятелям культурного фронта! Чем удивляем потребителя духовной пищи?

— Пожалуйста, богатейший выбор, — ответил Иван Никанорович и обвел рукой весь прилавок и полки зади.

— Спасибо за такой прекрасный выбор! Нет ли чего-нибудь вкуснее?

— Насчет вкусенького, дружок, надо в «Гастроном» идти.

— Хо-хо! Острим, старина? Что там у вас в записке?

— Ей-ей, ничего!

— О невинное лицо! Знаем мы вас, фокусников прилавка. Для любимицко бережете ходовой товар. — Сугубо интимным шепотом: — Что есть хорошенького, Макароны?

И тут перед мысленным взором Ивана Никаноровича пролетело нечто вроде Ньютонова яблока. Глаза его хитро прищурились. С любовью иллюзиониста он накрыл «Абракадабру» газетой и незаметно сдернул ее с прилавка.

— Ладно, — зашептал он, воровато озираясь, — только для вас! Давайте рубль восемьдесят.

Образованный Дуплетов зашарил по карманам, а Иван Никанорович завернул книгу в целую кипу бумаги и сунул ее покупателю под мышку:

— Только ни-ни, никому ни слова!

Когда счастливый обладатель «Абракадабры» юркнул в лифт,

Иван Никанорович затрясся от беззвучного смеха. «Неси, носи «вкусенькое». В другой раз будешь обзывать фокусником прилавка! Посмотришь бы, какое у тебя будет лицо, когда ты развернешь «записку». Через пять минут прискачешь требовать деньги обратно. Не скоро ты у меня их получишь. Я тебя, свистуна, поманежу!»

Прошло десять минут. Обманутый не возвращался. Вместо него, оглядываясь по сторонам, вроде заговорщиков из масонской ложи, подошли два приятеля Дуплетова из технического отдела. Ни слова не говоря, они сунули Ивану Никаноровичу свернутые трубкой рубли.

— Чего вам?
— Ну, то, что сейчас сделали Дуплетову, — зашептали заговорщики.

«Абракадабру»-то? — чуть не вырвалось у Ивана Никаноровича. Но еще раньше, чем он открыл рот, его осенило: «Черт возьми!..»

Надо учесть, что Иван Никанорович не привык изъясняться на греческом языке. Поэтому его вослицание было равноценно архимедовскому «Эврика!».

«Черт возьми!». Это же верный способ спустить «Абракадабру». Дуплетов похвалился тайным приобретением этим двум. Эти похвалы друг другу, как же! Одно дело — купить, другое — «достать»... Удружу молодцам по экземпляричку.

Иван Никанорович тоже сделал масонское лицо и, завертывая книги, стройкайше предупредил обоих покупателей:

— Только ни-ни! Не показывать!.. У меня этого товара мало. Всем не хватит!.. Вам-то я всегда готов, вы ребята хорошие...

Удовлетворенный и таинственный вид двух новых обладателей «Абракадабры» вселял в Ивана Никаноровича уверенность: будут еще покупатели на нее!

Он не ошибся. Вскоре за «новинкой» прибежали сразу три девицы-секретарши. Они взяли по экземпляру для своих шефов и по экземп-

ляру для себя. Следом за ними посыпались сотрудники со всех этажей. При виде нарастающего оживления у киоска Иван Никанорович немедленно ввел ограничение отпуска в одни руки:

— Только по одной, товарищи, только по одной!

После этого тревожного объявления к киоску ринулась неорганизованная приходящая публика.

Вокруг дотоле незаметной торговой точки образовалась живописная толкучка. Инициативные начали устанавливать очередь. Высокий нервный субъект с испуганно вздернутыми бровями прибежал

после всех и сразу начал кричать через головы впереди стоящих:

— Не отпускаяте чужким! Это безобразно!

«Абракадабра» пошла конвейером, без задержки.

Так сама жизнь подсказала Ивану Никаноровичу гениальную мысль. Правда, Ньютону и Архимеду их открытия принесли мировую славу и почет, а для Ивана Никаноровича дело в конечном счете завершилось неприятностью.

Когда вся поленица «Абракадабры» была распродана и опоздавшим не досталось, нервный субъект злоеще пригрозил:

— Этот бизнес, папаша, вам даром не пройдет! Мы покажем вам, как торговать из-под прилавка!

Нервный субъект потребовал у Ивана Никаноровича бумаги, чтобы составить на него же, на Ивана Никаноровича, акт и накатать жалобу.

А ведь его, И. Н. Смышляева, надо было вставлять не в акт, а в энциклопедию. Он не только раскусил законы психологии определенной категории покупателя, но и успешно применил их на практике: под видом благоденствия избранным сплавил то, от чего отмахивались поголовно все. Мыслитель в продавец!

В. НУКАНОВ

VI ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА «СМЕНЫ»

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Новый, 1963 год мы открываем нашей традиционной, шестой по счету, шахматной Олимпиадой и приглашаем принять в ней участие всех читателей «Смены» — любителей шахматного искусства. Наша шестая Олимпиада состоит из трех туров:

1. ВИКТОРИНА И КОНКУРС ПРОГНОЗОВ
2. МАССОВЫЙ ТУРНИР
3. РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ И ЭТЮДОВ

В каждом туре участнику может быть засчитано до 20 баллов, в зависимости от качества присланной им работы. Участвовать можно не только во всей Олимпиаде, но и в любом из трех туров.

Победители Олимпиады награждаются специальными дипломами и премируются. Дипломами также будут отмечены победители каждого тура.

Редакция обращается с просьбой ко всем участникам Олимпиады — решения по каждому туру присылать отдельно, с обязательной пометкой на конверте «На шестую шахматную Олимпиаду «Смены». Не забывайте, кроме фамилии, имени и отчества, указать свой возраст, место работы и должность или место учебы, разряд по шахматам (если имеется) и домашний адрес.

Жюри шестой шахматной Олимпиады «Смены» утверждено в составе: гроссмейстер — Борис Спасский, мастера — зам. председателя президиума шахматной федерации СССР Л. Абрамов, Ю. Гусев, А. Константинов и В. Люблинский.

ПЕРВЫЙ ТУР:

викторина и конкурс прогнозов

23 марта в Москве начнется интереснейшее шахматное событие — матч на звание чемпиона мира между обладателем шахматной «короны» Михаилом Ботвинником и победителем турнира претендентов Тиграном Петросяном. Многомиллионная армия шахматных болельщиков во всех уголках земного шара в течение полутора-двух месяцев будет с огромным вниманием следить за спортивным поединком и творческими достижениями двух замечательных советских гроссмейстеров. Предстоящему матчу Ботвинник — Петросян посвящен первый тур нашей Олимпиады. Мы предлагаем участникам первого тура 10 вопросов. За правильный, исчерпывающий ответ на каждый вопрос присуждается два балла, за неполный ответ — один балл.

Срок отправления писем на первый тур устанавливается до 10 марта с. г. (по почтовому штемпелю).

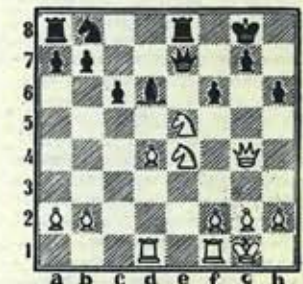
1. Сколько партий состоялось между Ботвинником и Петросяном на различных официальных соревнованиях до настоящего матча и каков был их результат?

2. В каком состязании и с кем провел Ботвинник в следующей позиции

красивую выигрышную комбинацию и в чем она заключалась?

3. На диаграмме вы видите положение, случившееся в одной из партий Петросяна.

Попробуйте найти, какой изящной комбинацией гроссмейстер, играющий белыми, добился победы, и вспомните, кто был его противником и на каком турнире это произошло.

— Скажите, Лена дома?
— Она придет через час.
За это время, молодой человек, вы успеете побриться, причесаться и погладить себе костюм.

— Как тебе не стыдно спать на концерте? Ведь я же не сплю.
— Но ты сама говорила, что страдаешь бессонницей.
В. Ломаный
Ленинград.

Увидев на улице туристов, деревенские мальчишки закричали:
— Смотрите, туристы разворачивают карту, сейчас будут спрашивать дорогу!..
А. Френкель
Москва.

— Верочка, сколько раз говорила тебе: игрушки нужно класть на место! Почему ты забываешь?
— Мама, но у меня плохо работает памятник!
Е. Сальников
ст. Тяжин.

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ...

Итак, об отдыхе! — решило правление КЛШ, готовя первое задание членам-корреспондентам клуба. — В каком же разрезе, с какой точки зрения?

— С сатирической: что мешает отдыху и кто в этом виноват?

Члены клуба тут же охотно приняли задание к исполнению. Проблема уж очень для всех животрепещущая. (Да простят нам сей зоотехнический, или рыболовецкий, термин!)

И как много оказалось этих «что мешает» и «кто виноват»!

С точки зрения жителя поселка Ракитино, Новгородской области, Ларина его отдых превратили в сплошное мытарство браконьеров с радиозавода, выпускающего радиолу «Волга». Он надеялся с ее помощью получить «пищу для ума и сердца», но, пожалуй, получил расстройство нервов. С первого же дня в радиоле отказал мотор проигрывателя. Потом один за другим стали отказывать диапазоны. Зато не отказывала радиоло в душеворадирующем языке, устрашающем треске, хрипе, рокотании и в прочих шумовых эффектах. Одним словом, снабдили покупа-

теля не спутником отдыха, а орудием бескровной пытки.

У жителя города Котласа В. Мышькова есть своя точка зрения. Он считает, что у них в поселке Лименда с отдыхом плохо по вине строителей Дома культуры, «который строит вот уже 10 лет, и конца этому не видно». Зато видно другое: строители больше отдыхают на площадке, чем работают, культурно прохлаждаются около недостроенного Дома культуры.

Член клуба Ю. Сорокин считает, что руководители колхоза в деревне Малино, Калининской области, руководствуются известным правилом «отдых трудящихся — дело рук самих трудящихся». Колхозный клуб они заняли под другие нужды, а помещене, исполняющее обязанности клуба, даже не позаботились оборудовать скамейками. Теперь перед каждой кинокартинкой по

улицам деревни тянутся вереницы кинозрителей с собственной мебелью: с табуретками, стульями, скамейками. Буквально комедия в постановке руководителей колхоза!

Журналист из Горького Н. Конаков рассказывает о молодом семействе, который в день полочки принес домой вместо денег горсть жетонов для винных автоматов. Сыграли с ним шутку географические особенности города. Около каждого театра, кинотеатра и стадиона услужливо пристроился павильон-автомат. Как на грех, жена поручила молодому супругу купить билеты в театр или в кино. С билетами он успеха не имел: тут все проданы, там театр выходной. Зато жетон набрал и вина набрался — за глаза! Так в Горьком торговля дополняет культуру.

Но не всегда торговля отличается излишествами. Родители

двухлетнего жителя города Ядрина, Чувашской АССР, Игоря Людмила жалуются в КЛШ, что, сколько ни ходят по магазинам, не могут купить ему детскую кроватку — нет, и только! От этого «ни сна, ни отдыха измученной душе» мамы, да и папы, и бабушки, и соседей. Он, Игорь, хотя и не князь, но требует внимания и не сходит с рук взрослых.

Словом, что ни письмо, то своя точка зрения на проблему. Но все они сходятся в одном фокусе: отдых — вторая половина работы. Крепко поработал — сладко отдохнешь, хорошо отдохнул — отлично поработаешь. Всем арсеналом сатиры и юмора надо прорабатывать тех, кто портит отдых себе и другим, кто превращает людям праздник в будни, а из трудовых будней себе делает праздник.

4. И Вотвинник и Петросян славились виртуозной техникой эндшпиля. На диаграммах перед вами два окончания, разбор которых представляет большое удовольствие. В первой партии черными играл Вотвинник. Последовало:

1. ...Kpd5 2. Ke3 + Kre4 3. a4 Kpd3! 4. Kd5 Kre2 5. Kf4 + Kr:f2 6. K:h3 + Kpf1! 7. Kf4 g3 8. Kg2 Krf2 9. a5 h4 10. Kf4 Kpf1 11. Kg2 h3 12. Ke3 + Kpf2 13. Kf4 + Kre2, и белые сдались.

Во второй партии черными играл Петросян. Ворьба завершилась так:

1. ...Kc4! 2. Ld7 b5 3. La7 Ke3 4. L:a6 K:g2 5. Kpc1 h4 6. Kpd2 h3 7. La1 Kh4 8. c4 bc 9. Lh1 K:f5 10. Krc3 Kd6 11. L:h3 Kpf7 12. Lh7 f5 13. Krb4 f4 14. Krc5 f3! 15. Lh1 e4. Белые сдались.

Против каких гроссмейстеров игрались эти партии? Каковы итоги выступлений Вотвинника и Петросяна в этих турнирах?

5. Попробуйте предсказать, какой счет будет зафиксирован в предстоящем матче Вотвинник — Петросян после: а) двух, б) четырех, в) шести партий?

6. Какой чаще всего встретится дебют в партиях: а) где белыми будет играть Вотвинник, б) где белыми будет играть Петросян?

7. Сколько партий будет закончено в день игры и какое количество окажется отложенным?

8. Сколько, по вашему предположению, будет сыграно в матче партий: а) коротких, содержащих не более 20 ходов, б) длинных, с числом ходов более 60?

9. Сколько в матче будет сыграно партий? Какое число их закончится результативно, какое — ничью?

10. Кто, по вашему мнению, будет обладателем шахматной короны с 1963 до 1968 года?

И. БАХТИНОВ

Несправедливость

Замок прислал письмишко в Культуротдел:

«Меня несправедливостью возмущает. Я на посту бесшумно почернел, А денежки завклубом получаю!»

Разговор в субботу

— Так завтра за город айда!
В лесных ключах прозрачная вода,
Вокруг ключей раковые гущи...
— Да нет, я не пойду: ты знаешь,
я не пьющий.

Г. Елань.

«В Грозненском доме отдыха № 1 скучно. У отдыхающих одно развлечение — карты».

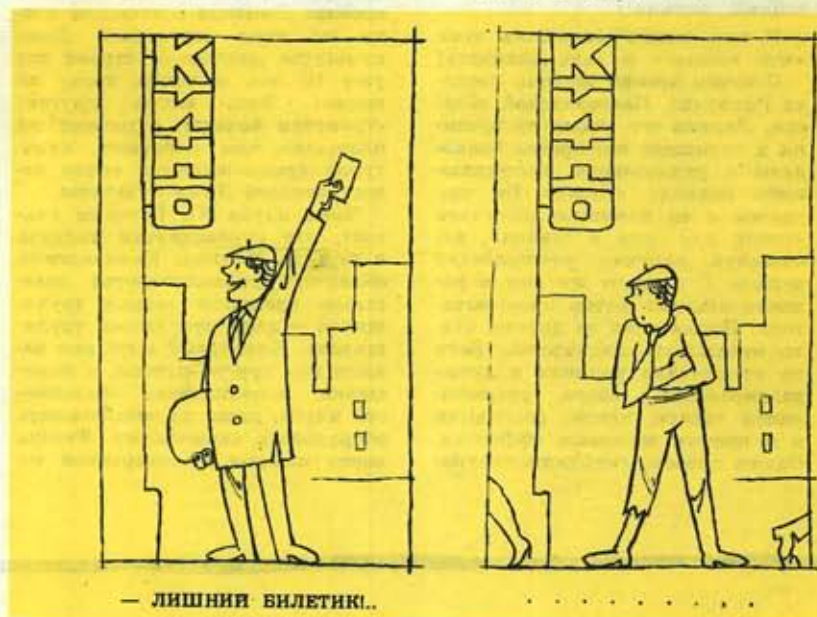
(Из письма Войцеховского В.)

ПЛОДЫ ДОСУГА.

ОТДЫХ... И ТРУД!

— ЛИШНИИ ВИЛЕТКИ..

Михаил ВОЛОВИК

ОРЕЛ И КУРИЦА

Случилось Курице взамен Цыпленка
Однажды высидеть Орленка.
А он, пока был в два вершка,
Казался немощнее крошки Петушка.
Не бегаёт, не ест, всегда болит
животик —
Беспомощный и хилый желторотик!
...Но время шло.

Мужал Орленок.
Давно он вырос из пеленок.
Того гляди он в небо улетит.
А мать по-прежнему твердит:

— Не прыгай на шесток, сор-
вешься!
Ты на забор взлетел?
В лепешку расшибешься!
Ему пора бы стать уже Орлом,
А Курица его все держит
под крылом.
И наш Орел при этом воспитанье
Сменил орлиный клеток
на квохтанье.
Когда б не улетел Орел из-под крыла,
То вышла б Курица из этого Орла!

— ОНИ ПОПРОСИЛИ СВЕЖИИ ЖУРНАЛ!

Рисунки В. ДМИТРИЮКА и В. ЧУПРЫГИНА.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартановская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутатор Е 1-70-20.

Для справок — доб. 2-42; отделы: литературы и искусства — доб. 2-15; очерка и публицистики — доб. 3-52; международной жизни — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; сатиры и юмора — доб. 4-79; писем — доб. 2-53; науки и техники — Е 7-65-82; информации — Е 7-65-82; оформления — Е 7-51-32.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редколлегия: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров (ответственный секретарь), В. А. Костров, В. А. Кочетов, В. Л. Разумневич (заместитель главного редактора), Е. И. Рябчиков, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Соколова.

Технический редактор Н. Будкина.

А 00005 Подписано к печати 5/1 1963 г.
Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 154.
Заказ № 3451. Формат бумаги 70×108½.
2 б. л. — 5,48 п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, ул. «Правды», 24.

Наследство старого араба

Умирал старый араб. Трое его сыновей собрались выслушать последнюю волю отца.

— Я оставляю вам, — сказал старик, — 17 верблюдов. Поделите наследство таким образом: старшему сыну — половину, среднему — треть, а младшему — девятую часть.

Сказал старик и умер. И перед сыновьями встала сложная задача. Не поделишь 17 верблюдов ни пополам, ни на три, ни на девять частей: ведь не станешь рубить верблюдов на куски!

Сколько ни думали сыновья, ничего не могли придумать. Пришлось обратиться за помощью к мудрецу, проезжавшему мимо их дома на верблюде. Мудрец быстро рассудил их. Как он это сделал?

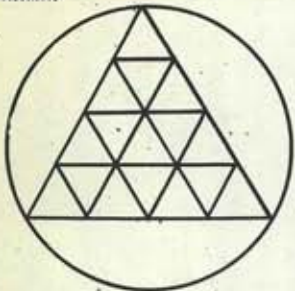
Три конькобежца

Тренировались однажды три конькобежца. В то время как один из них проходил круг, другой обгонял его на полкруга, а третий обгонял первого на четверть круга. Все вместе они прошли 15 кругов. Сколько кругов прошел каждый конькобежец в отдельности?

Треугольник в круге

А теперь попробуйте решить задачу сложнее: не отрывая пера от бумаги, начертите фигуру, которая здесь изображена. Линии могут перекрещиваться и проходить одна по другой. Окружность считается одной линией. Всю фигуру требуется нарисовать только 14-ю линиями.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В «СМЕНЕ» № 1

ТОЛЬКО ОДИМ ВЗВЕШИВАНИЕМ

Следует из первой кучки монет взять одну, из второй — две, из третьей — три и т. д. Если взвесить подобранные таким образом монеты, то сразу можно определить: в какой из кучек монеты поддельные.

ВОЗМОЖНО ЛИ?

Возможно. Надо сложить папиросы, как указано на фото.

Состязания в меткости

Однажды Петр, Василий и Иван устроили состязание по стрельбе. Каждый сделал по шесть выстрелов. По окончании стрельбы мишень имела такой вид, как показано на рисунке. При подсчете выяснилось, что каждый выбил по 71 очку.

Известно, что первыми двумя выстрелами Петр выбил всего 22 очка, а Иван своим первым выстрелом попал в третье от края кольцо мишени. Хорошенько посмотрите на рисунок мишени и, приняв во внимание указанные выше данные, ответьте: кто из трех состязавшихся попал в «яблочко»?

Турист не пошел пешком...

Турист решил отправиться из одного города в другой не пешком, а воспользоваться полупутным транспортом. Первую половину пути он проехал на автомашине — в десять раз быстрее, чем если бы шел пешком. Однако вторую половину пути он двигался на волах — в два раза медленнее, чем если бы шел пешком. Сколько времени выгадал турист оттого, что проехал весь путь, а не прошел его пешком?

КРОССВОРД

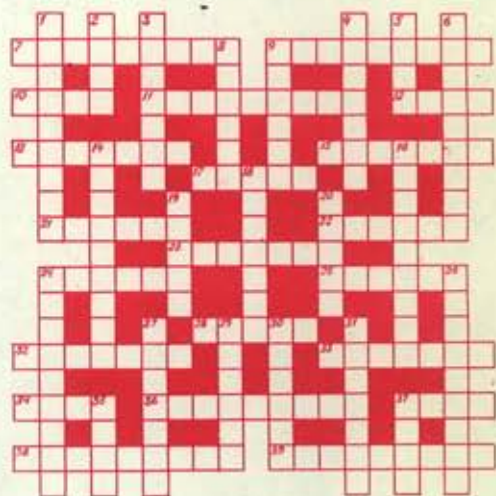
Составил И. ЧЕЛЕДИНОВ.
г. Жмеринка.

По горизонтали:

- Порт на Сахалине.
- Советский химик, академик.
- Роман Р. Тагора.
- Судно военно-морского флота для перевозок.
- Русский график, иллюстратор «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.
- Игрок в футбольной команде.
- Русский писатель, революционный демократ.
- Клавирный духовой инструмент.
- Предприятие коммунального обслуживания.
- Наука о законах и формах мышления.
- Город в Непале.
- Фигура высшего пилотажа.
- Часть стихотворного текста.
- Инструмент для изготовления деталей давлением.
- Жанр художественной литературы.
- Название детали машины в форме цилиндра.
- Речка на юго-западе Франции.
- Прозьба, призыв.
- Орудие для обработки почвы.
- Лесная ягода.
- Руда для плавки сурьмы.

По вертикали:

- Пьеса, в которой действует один персонаж.
- Молдавский народный танец.
- Своеобразие художественной техники в произведениях искусства.
- Цветные карандаши для живописи.
- Гора на востоке Греции.
- Обмен колкостями, ядовитыми замечаниями.
- Птица Южной Америки.
- Нарицательная стоимость бумажных денег, облигация.
- Спортсмен — борец, боксер.
- Сорт яблочка.
- Руководитель борьбы белорусского народа в Полесье против помещиков в XVII веке.
- Старинная русская мера жидкостей.
- Разряд, к которому принадлежит судно в зависимости от типа постройки и оборудования.
- Деревня, где началось Вородинское сражение.
- Огнеупорный минерал, добываемый на Урале.
- Пограничное учреждение.
- Нарисованная поэма М. Валкирева.
- Морской угорь.
- Действующее лицо пьесы Н. Погодина «Кремлевские куранты».
- Картина И. И. Шишкина.
- Цветок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЕ В № 24

По горизонтали:

- Половин.
- Заглада.
- Малютин.
- «Смена».
- Герцен.
- Адыгя.
- Рубо.
- Каир.
- Новиков.
- Власов.
- Берлин.
- «Кировец».
- «Чайай».
- Алжир.
- Олдингтон.
- Фаиз.
- Брно.
- Ереван.
- Анопян.
- «Цветы».

По вертикали:

- Колас.
- «Кооперация».
- Бирма.
- Мацепуро.
- «Калева».
- «Млада».
- Сибелиус.
- «Крокодил».
- «Поометей».
- Озолина.
- «Капитал».
- «Правда».
- Корин.
- Гришин.
- «Влтава».
- «Космос».
- Иванов.
- «Гигант».
- «Заря».
- Баян.

ИНТЕРЕСНОЕ ЧИСЛО

123456789 × 8 + 9 = 987654321

ЗАДАЧА С 13 СПИЧКАМИ

Эта задача — шутка. Из 13 спичек можно сложить 1 метр так:

МЕТР

КТО РОВЕСНИЦЫ?

Маша моложе Гали. Валя старше Гали. Значит, Маша и Валя не ровесницы. Следовательно, ровесницей Тани будет Галя.

Как все-таки разнообразен лыжный спорт! Лыжные гонки, прыжки с трамплина, слалом, скоростной спуск! И каждая из этих разновидностей по-своему увлекательна!

Посмотрите, как лихо летит с горы слаломист. Так, что ветер пощипывает в ушах да разлетаются в стороны снежные брызги. Спортсмен будто сросся с лыжами. Промчавшись по прямой, он начинает зигзагообразный обход фигур, построенных из флажков. И все это в какие-то доли секунды. Да, именно на доли секунды ведется счет в слаломе! Скорость и смелость, ловкость и тонкий расчет — вот качества, которыми должен обладать слаломист. Без этих качеств невозможна победа!

Еще не так давно горнолыжный

спорт был слабо развит в нашей стране. Наши лучшие спортсмены не могли тягаться с сильнейшими горнолыжниками мира. Времена меняются. Теперь и в этом виде спорта мы имеем прекрасных мастеров. Свидетельство тому — успехи советских лыжников на крупнейших международных соревнованиях. И эти достижения — результат все возрастающей массовости горнолыжного спорта в СССР. Теперь все чаще можно встретить юношей и девушек с горными лыжами (см. первую обложку). Молодежь получила возможность заниматься слаломом, скоростным спуском и прыжками с трамплина. И не только в Бакуриани, но и в горах Ала-Тау, на Урале и даже в Москве — на Ленинских горах!

Фото А. БОЧИНИНА
и М. МУРАЗОВА.

